
Юрий РОГОЗА

МУЗЫКА
ДЛЯ БОГАТЫХ

Юрий Рогоза

Музыка для богатых

«Фолио»

2014

Рогоза Ю.

Музыка для богатых / Ю. Рогоза — «Фолио», 2014

У автора этого романа много почетных званий, лауреатских статуэток, дипломов, орденов и просто успехов: литературных, телевизионных, кинематографических, песенных – разных. Лишь их перечисление заняло бы целую страницу. И даже больше – если задействовать правды и вымыслы Yandex и Google. Но когда вы держите в руках свежеизданную книгу, все прошлые заслуги – не в счет. Она – ваша. Прочтите ее не отрываясь. Отбросьте, едва начав, если будет скучно. Вам и только вам решать, насколько хороша «Музыка для богатых» и насколько вам близок и интересен ее автор – Юрий Рогоза.

© Рогоза Ю., 2014

© Фолио, 2014

Юрий Рогоза

Музыка для богатых

Роману Загороднику, который пишет музыку для богатых и этим делает мир добрее и лучше

Ни за что не поверю, что Бог бездумно бросает кости...
Альберт Эйнштейн

«Я верю в чудеса, – думал продрогший Никита. – Да и как не верить, если их вокруг – полным-полно? В этом мире невымытых машин и людей с перекошенными от злобы лицами чудеса происходят постоянно. На каждом шагу. А что толку? От них не легче и не радостней. Наверное, все дело в том, что Бог совершает их, не когда мы просим, а когда считает нужным. На свое усмотрение...»

...В три с половиной года он боялся оставаться в доме один. Боялся гулкой тишины, боялся китайца, вышитого на тонком настенном коврикe, скрипа старых дощатых половиц... Однажды он проснулся раньше, чем обычно (бабушка вышла к соседке, собираясь вернуться до того, как он проснется), задышавшись и дрожа от ужаса, выбил игрушкой-калейдоскопом стекло маленького глухого окна и побежал босиком по росистой холодной траве навстречу бабушке, которая как раз подходила к дому. А вечером вернувшиеся с работы папа и мама показывали изумленным соседям разбитое окно – Никита, трехлетний ребенок, конечно же не догадался расшатать и вынуть оставшиеся в раме осколки, и они, острые, как бритва, торчали со всех сторон, похожие на зубы страшной акулы, раскрывшей пасть. А у него на тельце не было ни одной царапины, даже самой маленькой... Чудо!

В шесть лет он вместе с двумя пацанами, своими дворовыми друзьями Лехой и Андреем, залез на старую шелковицу, которая росла в заброшенном соседском палисаде (им запрещали это делать, но они все равно забирались на нее почти каждый день). За ними увязалась Людка, девочка чуть постарше, второклассница в мятом пестром сарафане, Никита ее почти не знал. Когда они взобрались на самый верх, где было еще много маленьких черных ягод, трухлявая ветка не выдержала и треснула...

Леха упал головой вниз и умер сразу, Андрей сломал позвоночник (потом взрослые объяснили, что он уже никогда не будет ходить и разговаривать), а Никита даже не ударился. Только, сидя в высокой траве, с восторженным ужасом наблюдал, как глаза крупно вздрагивающей Людки становятся похожими на стекло, а из ее рта на мятый ситец сарафана выпрыгивают темные сгустки крови...

Через год папа купил путевки в Алушту, и он должен был впервые лететь к морю. Чтобы загореть и окрепнуть перед первым классом. Но сильно простудился, и папа и мама, посоветовавшись, решили оставить его дома, с бабушкой. Их самолет разбился через двадцать минут после взлета, обломки и разорванные тела людей собирали больше месяца...

Вам мало?!

Старый учитель сольфеджио Борис Анатольевич поговорил с Никитой в школьном коридоре минуты две, не больше, но этого хватило, чтобы он подарил ему, двоечнику музыкальной школы, которого каждые полгода собирались исключить, чудо музыки – наверное, главное чудо в его бестолковой жизни.

«Еще была Настя... – с замиранием сердца подумал Никита. – Целых три недели у меня была Настя... Но об этом я вам ничего рассказывать не буду, это – не ваше собачье дело, ясно?! Да и потом, у мира нет таких слов, которыми можно рассказать об этом. Нет и никогда не будет...»

А еще его проклинали. Правда, это было злое чудо, но кто сказал, что чудеса бывают только добрыми? Никиту проклинали на сельском кладбище лунной майской ночью. Это было семь лет назад (ему было тогда 16), но проклятие никуда не делось, он точно знает, он старался убежать от него, проехал десятки городов и стран и сейчас уже понимает, что оно умрет только вместе с ним...

Знаменитый певец Баклан (да-да, тот самый), приехав с концертом в Тверь, мог зайти поужинать в любой ресторан, но ввалился с толпой охранников именно в немного старомодную «Березовую рощу» на улице Советской, причем как раз в тот момент, когда Никита играл на рояле. Уже через десять минут тот, обалдевший от неожиданного счастья и стакана текилы, был назначен клавишником знаменитой группы. Предыдущий, как оказалось, был со скандалом выгнан два часа назад за то, что украл у звезды баночку амфетаминов, из-за чего концерт был на грани срыва и начался с опозданием на час, в течение которого велись лихорадочные поиски контактов с местными торговцами счастьем.

Так он, простой тверской парень, похоронивший бабушку, проклятый сельской колдуньей и не ждущий от жизни ничего хорошего, начал выходить на сцены ревущих от восторга концертных залов и домов культуры, замелькал в дорогуших музыкальных клипах, побывал в Лондоне, Берлине, Хельсинки, Варшаве, научился водить машину и нюхать кокаин...

Что, тоже скажете – не чудо?..

Так что – чудес на свете валом... Но что толку, если они не спасают? Если они, как мыльные пузыри детства, разбиваются об этот немый мир, серый, твердый и шершавый, как московский асфальт? А сам мир все время пытается поставить тебя раком. И если ты, неблагодарный, вдруг отказываешься, сначала удивляется, а потом мстит – долго и умело...

«Что мне от того, что вас на свете полно, чудеса? – обозлился Никита. – Все равно мир вокруг состоит из грязи и жестокости, у меня почти не осталось денег, жопа онемела, потому что я сижу на каменном парапете, а сижу я на нем, потому что не могу и не хочу идти в свою убогую комнатку в самом старом и жутком доме Лаврушенского переулка, который почему-то еще никто не купил, чтобы взорвать и построить на его месте автосалон или элитный бордель. Я плачу за нее две с половиной тысячи долларов в месяц, но это не спасает – в ней темно и сыро даже в солнечный день, зеркала трескаются сами по себе, единственное окно смотрит на истертую кирпичную стену, исписанную матами, тараканы похожи на крыс, а в убитом вонючем сортире живет призрак, и в него так страшно входить, что я терплю и стараюсь делать это как можно реже...

Господи, если у Тебя так много чудес, почему Ты не сотворишь одно прямо сейчас, в центре этого безумного города? Или я его не заслужил? Тогда дай мне, что ли, хоть денег на электричку, чтобы я вернулся в свою прошлую жизнь, уютную и ненужную, как старый комод. Дай, а?.. А то ведь первое, о чем я Тебя спрошу, когда умру, будет: «А где Ты был тогда, когда я сидел на заплыванном парапете около метро, и хотел жрать до крика, и от пронизывающего холода не чувствовал собственной задницы, и умолял Тебя...»

– Никита5, ты, что ли? Ну, дела!.. – раздалось вдруг над самым ухом.

Так, с ударением на последний слог, к нему обращались только ребята в школе. В Твери. В том уютном мирке, который сейчас казался счастливым сном.

Никита, вздрогнув, поднял глаза. Его одноклассник Игорь Микерин был не просто реальным, но еще и отвратительно бодрым. Пружинисто переступал с ноги на ногу, клацая по асфальту кожаными подошвами модных туфель. Он вообще смотрелся правильно – модное короткое пальто, дорогая стрижка, лакированная не то папочка, не то барсетка в ухоженных пальцах...

– Хреново выглядишь, – радостно подытожил Микерин прежде, чем Никита успел что-то сказать. – В лице нихуя духовности нет!

– Была, да вся вышла... – угрюмо ответил Никита.

– Ясно! – Микерин бросил взгляд на огромные часы. – Слушай, я пока свободен, а тут одно место есть. Так, мидл-класс, конечно... Зато – совсем рядом! «Трактир» называется...

* * *

– Слушай, а с чего это вдруг Баклан только сейчас решил тебя в жопу выебать? Целых два года присматривался, что ли? – закуривая, спросил Микерин со светским безразличием.

Они уже съели по порциипельменей и выпили полтора графинчика водки, так что ничего удивительного в том, что мир как-то резко стал добрее и человечнее, не было. Никита уже знал, что обычно так и бывает.

– Да не Баклан, ты не понял. Это Шакальский, наш новый продюсер...

Микерин уважительно присвистнул.

– Сам мсье Шакальский? Круто...

– А ты что, его знаешь?

– Смеешься? Кто же Шакальского не знает! Я его совсем недавно по телевизору видел, дня два назад. Хорошо говорил, кстати, душевно, убедительно...

– О чем говорил? – почему-то напрягся Никита.

– Да уж не о том, что планирует тебя вжарить, не переживай, – коротко рассмеялся Микерин. – О роли православия в развитии отечественного шоу-бизнеса, кажется. О духовной преемственности, исторических корнях...

– Вот сука!..

– А ты, Никита, изменился. Злой стал. Seriously... – заметил Микерин, разливая остатки водки в граненые штофики. – Здесь тебе не Тверь, брат, учись толерантности. Почему это он – сука! Человек достиг успеха, денег заработал немеряно, теперь о духовном здоровье нации беспокоится... Это что, плохо? А то, что он хотел тебя раком отыметь...

– Громче кричи! Еще не все слышали... – покраснев, прошипел Никита и осторожно оглядел зал. Но людей в трактире было немного – лишь несколько мутных компаний за дальними столиками и угрюмый афганец в затертом камуфляжном ватнике, с ненавистью смотревший через окно на зажигающую огни столицу. На столе перед афганцем стояла откупоренная, но нетронутая бутылочка кока-колы, а сам он то и дело странно нагибался, заглядывая под полу ватника, словно прятал там подобранного на улице котенка.

– То, что он хотел тебя раком отыметь, – интимно понизив голос, продолжал Микерин, – так в этом, между прочим, есть что-то глубоко человеческое и очень трогательное... Seriously. Ты сам посуди! Крутой продюсер, миллионер, лауреат всего на свете, а не скурвился, не очерствел душой, хочет, как и все, простого человеческого тепла и счастья... – Он поднял стопку. – Ну, давай... За человеческое в нас!

Стопки ударились друг о друга с таким дешевым звуком, словно были пластмассовыми.

– Да я даже не так на него обижаюсь, как на ребят, – заговорил Никита, когда водка горячим комком сползла в душу. – Не поверишь, Коля, басист, мне прямо в лицо сказал: «Знаешь, Никита, я думал, ты настоящий человек и музыкант, а ты – говно и мразь... Тебе, Иуда, твоя тощая жопа дороже, чем большое искусство и судьбы товарищей...» Так и сказал, представляешь? А остальные ребята стояли рядом и молчали...

Микерин недобро улыбнулся.

– А ты чего ждал? Что они тебе «Ролекс» в складчину купят?

– В каком смысле? – не понял Никита.

– В прямом. Хватит прикидываться, в самом деле. Ты что – реально не понимаешь? Ты же своим долбаным целомудрием лишил людей самого светлого – бабла, успеха, этой... веры. Да я бы на их месте тебя вообще насмерть загрыз, если хочешь знать!

От неожиданности Никита даже протрезвел. Поэтому лихорадочно вылил в стопарь остатки водки и быстро выпил.

– Да и потом, – смягчившись, продолжал Микерин, – по любому тебя кто-нибудь выебет, сам понимаешь. Не в лесу живем – Москва... И еще неизвестно, кто попадется, кстати говоря... Может, вообще зверь какой-нибудь. Типа мент. Или наоборот – лютый урка. А Шакальский – милый человек, культурный, обеспеченный, деликатный...

Обалдевшему Никите в голову вдруг пришла спасительная мысль, что одноклассник шутит.

– Слушай, хватит прикалываться. Я же с тобой серьезно говорю...

– А если серьезно, – Микерин чуть перегнулся через стол, и глаза его стали похожи на две железные пуговицы, – то от вас, провинциалов, все зло... Зло и нарушение мирового порядка. Понял, нет? Вот я, как любой цивилизованный человек, чтобы к своим доходам ноль приписать, у слона отсосу, понял?..

– У какого слона?.. – прошептал Никита, испуганно сглатывая.

– У африканского, блядь, – зло отчеканил Микерин. – Или у индийского, мне пофиг!.. Хотя нет, постой, – он на миг задумался. – Не то чтобы совсем пофиг, какой-то из них реально крупнее... Я забыл, какой...

Возникла пауза. Микерин, наверное, вспоминал картинки из школьного учебника, а Никиту вдруг, несмотря на выпитую водку и уют трактира, накрыла такая пронзительная волна жалости к себе, действительно слабому и провинциально-беззащитному в мире людей, готовых ради дела отсосать у слона, что он почувствовал, что сейчас заплачет. Оглушительный вираж его судьбы: гастроли, чужие столицы, слепящие прожектора сцен, толпы красивых бесстыжих девок, съемки клипов и запредельно буйные пьянки в гостиницах, – все это показалось ему в эту минуту видением – нервным, совершенно нереальным и коротким, как сон в электричке. К нему, Никите, эти два года точно не могли иметь отношения, сейчас это было совершенно ясно, поэтому больше всего на свете он захотел оказаться в родной Твери, в их с бабушкой старом деревянном доме на улице Карла Маркса, упасть на большую пуховую постель и спать, спать, спать... А проснувшись, выйти в запущенный осенний палисад прежним Никитой – осиротевшим, проклятым и горестно-спокойным...

– Точно! – Микерин хлопнул ладонью по столу так, что пустой графин подпрыгнул и чуть не опрокинулся. – Африканские больше!.. Они же в этих, в джунглях, тусуются, на воле... – Он посмотрел на часы и решительно сунул руку в задний карман. – Ну что, жопу свою драгоценную отогрел? Пора на воздух...

В его руке появилась толстая и упругая, как половина батона, пачка пятисотрублевых. Никита знал об этой последней столичной моде – хранить в бумажнике только евро и кредитки, а рубли небрежно носить в кармане – причем в неимоверном количестве и только крупными купюрами. Ему объяснили, что так легче всего одновременно продемонстрировать и презрение к родной валюте, и свои финансовые возможности.

– Так, двести рублей сюда... – хрипло прогремело совсем рядом. Никита и Микерин подняли глаза. Над их столиком, заслонив собой мир, застыл тот самый огромный афганец с нетронутой бутылочкой колы в обветренном кулаке. У афганца было небритое лицо спившегося супермена и полные спокойной ярости глаза. Еще от него остро пахло клеем «Момент», а из-под бушлата выглядывал край грязного пластикового пакета из магазина «GAP».

«Вот тебе и котенок...» – с тоской подумал Никита.

– Причем без вариантов, – прорычал афганец. – Не то удавлю. Обоих...

– Спокойно, военный. – Микерин почти весело протянул афганцу купюру. – Какие проблемы? Что мы, контра? Получите...

– Спасибо не говорю, – так же злобно прохрипел афганец. – Не обязан... Потому как, чтобы вы сегодня могли спокойно слонов ебать, я полтора года порожняк из Кабула на восьмой километр перегонял, ясно?..

...На улице было свежо и приятно, как бывает только короткой московской осенью. Пахло бензином, дорогими парфумами и помойкой.

Микерин посмотрел на часы.

– Ладно, Никита⁵, давай что-то с тобой решать, а то у меня еще дела...

Никита пожал плечами.

– А что тут решать? Мне бы денег, сам понимаешь... Тысячу-две. Рублей, в смысле... – торопливо уточнил он. – Я, конечно, верну...

Тут же он ощутил в ладони приятную шершавость.

– Тыщу-две получи сразу. И можешь не отдавать, больше пропиваем. Только знаешь... – Микерин вдруг замялся, и Никите показалось, что тот действительно озабочен. – Если ты собрался себя заживо в тверской халабуде похоронить, то я тебе не помощник...

– В смысле – деньги вернуть?

– В смысле – мудаком не быть! – Микерин сердито шмыгнул носом и закурил. – Ты там через год повесишься, а я виноват буду!..

– Микеша, дорогой, – от волнения Никита даже вспомнил школьную кличку приятеля. – Ты обо мне многого не знаешь, правда... И рассказывать долго...

– Вот только не надо мне ничего рассказывать, у меня своего геморроя по гланды! Я и без этого знаю, что ты там заживо трупной плесенью покроешься. Причем очень быстро...

– Почему?

– Да потому, что ты уже жил, как человек! С бабками, с хорошей тачкой, с кайфом... Кстати, о кайфе, тебе кокаину отсыпать? У меня есть немного...

– Да, – не задумываясь, отозвался Никита. Первое, чему научил его поп-звезда Баклан, – никогда не отказываться от шаровой наркоты. Навык прижился.

– Только он, зараза, разбодяженный, хоть простуду лечи, – виновато сказал Микерин, выуживая из кармана пластмассовый тубус от шипучего аспирина. – Совсем обнаглели, гады! Сталина на них нет... Подержи, – он протянул Никите не очень свежий аптечный пакетик и бережно открыл тубус. – Живем, блядь, в самом дорогом городе мира, а кокаин – как в Гондурасе...

С минуту – пока белая магия перетекала из одной тары в другую – оба собранно молчали. Порошка в пакетике оказалось больше, чем Никита ожидал.

– Спасибо, Микеша, – растроганно сказал он.

– На здоровье, – Микерин уверенным коротким движением закрыл тубус и сунул в карман. – Понимаешь, это – как в природе. Я по «Энимал плэнет» смотрел... Оказывается, если тигр хоть раз человека сожрал – аллес, на всяких там сусликов и смотреть не хочет. Категорически. Даже с голодухи. Переселяется поближе к деревне, караулит день и ночь, ждет, пока кто-нибудь из аграриев зазеваается... Что интересно – их, тигров этих, обычно мочат, а тут австралийцы одного живьем поймали. И поселили, ясное дело, в заповедник. А там такое животноводство – ну жри-зажрись. Только с человечинкой перебои – туристов на бронированных «нис-санах» возят, и то редко. Так что ты думаешь? Месяца не прошло – сдох!.. С ботаникой, брат, не поспоришь. Наука...

– Получается, мы здесь, в Москве, все – людоеды? – невесело спросил Никита.

– А то ты сам не знаешь... – пожал плечами Микерин. – Ты мне лучше скажи: у тебя жилье есть?

Никита вспомнил угрюмую неоплаченную комнатуху, вонь гниющего подъезда, ледяное дыхание призрака в туалете и неуверенно ответил:

– Есть.

– Понятно. Нету! – бодро подытожил Микерин. – Ладно, не парься, у меня, кажется, идея появилась...

Он вынул из кармана безумно дорогой сотовый и, коротко нажав кнопку, приложил его к уху.

– Аллю, Марик, это я...

Больше Никита ничего не услышал, потому что одноклассник, продолжая разговор, растворился в сумерках, отойдя метров на тридцать, к подземному переходу. При этом было ясно, что с его стороны это – не хамство, а скорее деликатность, но Никита все равно почему-то обиделся. И еще загрустил.

«Ну вот, еще одно чудо, – думал он, глядя на плывущий мимо поток москвичей, которых освещение делало похожими на серо-золотистые тени. – А что толку? Нет, серьезно, какой толк от чуда, если ему положено радоваться, а никакой радости и близко нет?..»

Почти сразу ему стало стыдно.

«Прости меня, Господи, – уныло подумал он. – Я конечно же неблагодарная свинья... И по отношению к Тебе, и по отношению к Микеше, которого Ты мне послал. Вон он как со мной возится. Накормил, дал денег. Даже кокаину отсыпал... А ведь мы в школе даже не особенно дружили...»

В ту же секунду, как кокаин всплыл в памяти, его захотелось употребить. Причем остро. Никита даже сунул руку в карман, нащупал пакетик, но так и не решился его достать.

«Что же я за тварь дрожащая? – привычно спросил он сам себя. – Не умею быть счастливым, даже когда мне насыпают мешочек счастья легко и задаром! Прямо проклятие какое-то...»

И тут же понял, что не какое-то, а то самое – давнее, майское, надмогильное, пахнущее весенним полнолунием и вечностью... И сразу успокоился.

Микерин уже бодро шагал к нему.

– Значит, так, слушай внимательно, потому что мне нужно на встречу бежать. Стой здесь, никуда не уходи. Замерзнешь – заскочи в трактир, выпей водки. Но потом сразу выходи, потому что человек сюда подъедет. Его, кажется, Мариком зовут. Да не стой ты грустный, как Пиноккио, все будет ништяк, вот увидишь!..

– Почему – как Пиноккио? – удивленно спросил Никита, хотя собирался спросить совсем о другом: кто приедет и, собственно, зачем.

– Верно, спутал! – Микерин хлопнул его ладонью по плечу. – Не Пиноккио, этот... Другой, который с Буратиной тусовался!.. Ну, ныл еще все время... Как его? Тоже не помнишь?

– Пьеро?.. – неуверенно подсказал Никита. Быть похожим на унылого клоуна ему совсем не хотелось.

– Точно, блядь, Пьеро!.. – Микерин вскинул руку, и рядом тут же остановилась вынырнувшая из медленно ползущего ряда желтая «Волга». – Все, извини, опаздываю! Пока... – Он протянул крепкую ладонь, и только пожав ее, Никита вдруг понял, что вообще ни о чем не спросил приятеля и теперь даже не сможет его найти. Хотя бы чтобы вернуть одолженные деньги.

Тот уже сел в такси, и оно медленно тронулось, стараясь втиснуться в равнодушно ползущий ряд.

– Микеша! – громко позвал Никита. – Телефон!.. Какой у тебя телефон?

– Вирту Констеллэйшн! – прокричал из сумрака Микерин, опустив стекло. – Оригинал! Стоит дороже, чем эта тачка. Будешь меньше жопу беречь – себе такой же купишь!..

* * *

Медленно ползущие машины вскоре, как и положено, вовсе застыли, ждать явно предстояло долго, поэтому Никита последовал совету одноклассника и вернулся в трактир. Опасливо покосившись на афганца, по-прежнему сверлящего недобрым взглядом родную столицу за окном, он подошел к стойке, но попросил не водки, а стакан апельсинового сока. Пить ему совсем не хотелось – просто нужна была соломинка, а вытащить ее из стоящего на стойке ста-

кана просто так он не решился: у бармена было лицо человека, знающего жизнь не понаслышке. Оставив сок на столике в темном углу, Никита прошел в туалет – доброе русское слово «трактир» никак не ассоциировалось у него с видеокамерами над каждым толчком, а сил терпеть больше не было.

Закрывшись в кабинке, он аккуратно высыпал белоснежную дорожку на поверхность сливного бачка и совершил ритуал. Порошок и правда сильно отдавал аптекой, но действовал правильно. Ясность мысли и физкультурная бодрость наступили раньше, чем Никита успел хозяйственно спрятать соломинку во внутренний карман куртки.

«А кого это я здесь жду? А главное – зачем? – со спокойной трезвостью подумал он, присев на краешек порыжевшего от жизни унитаза. – Что еще за Марик? Имя какое-то опереточное... На кой я ему сдался... И вообще, кто он такой?.. Может, какой-нибудь извращенец? Скорее всего. Не случайно же Микеша напоследок жопу упомянул...»

Самым разумным казалось заскочить в ненавистную комнатку в Лаврушенском, собрать вещи и быстро ехать на вокзал. Но проснувшееся в душе бодрое мужество рождало и совсем другие мысли.

«Куда спешить? Тверь, она четыреста лет стоит, за пару дней никуда не денется, – наглея все больше, вдруг сформулировал для себя самого Никита. – Ведь зачем-то все это случилось – неизвестно откуда взявшийся Микерин, водка с горячими пельменями... Если сейчас сбегу – так и не узнаю, зачем... Бабушка часто повторяла, что случайностей на свете не бывает, по-настоящему духовный человек за каждой мелочью может рассмотреть Промысел Божий. Вот и рассмотрим, – решил Никита. – Только еще нюхнем для поднятия духовности...»

Заставивший его вскочить удар в дверь был такой силы, что хлипкий замочек, жалобно зазвеневав, упал на кафельный пол.

На пороге стоял пахнувший клеем гневный афганец с куском мятой газеты в кулаке.

– Ну что, Родину любить будем или валидолом ссать? – бодро прорычал он.

Как всегда в таких случаях, Никита и сам бы не смог объяснить, каким образом уже через несколько секунд оказался на улице.

Там его ждали.

Замерший у обочины «мерседес», мигающий огнями аварийки, был серебряным, очень новым и в меру чистым.

Марик (а просветленный после дозы Никита неуловимым образом сразу понял, что это он) расслабленно стоял рядом. Это был высокий худой брюнет в свободном сером костюме поверх плотной черной рубашки-поло и легких туфлях человека, который редко ходит по булыжным неровностям реального мира. Щеки его оттеняла щетина, на запястье мутно, как ядерный реактор, поблескивал «Брегет» последней модели. (Совсем недавно Никита видел рекламу таких часов в глянцевого журнале и даже запомнил рекламный текст – «Удвойте цену вашей яхты!».) Лицом Марик очень походил на опального олигарха Ходорковского, только казался добрее и беззаботнее.

– Привет, Никита, – произнес он так просто, словно они были старыми приятелями и через день встречались попить пива после работы. – Садись скорее и поехали отсюда. А то место какое-то говнистое...

Место было обычным и не самым мерзким в Москве, но спорить Никита не стал.

Его спонтанно возникшей мечте уютно скрючиться на заднем сиденье не суждено было сбыться по самой простой причине – «мерседес» был огромным, но двухдверным. Но и на переднем сиденье, в теплом сумраке кожаной-деревянной роскоши, подсвеченной огоньками панели, становилось ясно, что загадочный Марик прав: не только это место, а вообще весь мир за окном – говно полное.

«Так вот почему они покупают именно “мерседесы”!...» – вдруг догадался Никита и сам поразился тому, что такая простая истина открылась ему только сейчас.

Марик тем временем очень ловко вклинился в ползущий поток, нарушив правила, свернул в переулок, резко нажал на газ, и через минуту они оказались на проспекте – тоже забитом машинами, но сияющем огнями реклам и дорогих заведений. Как всегда, уходящая в ночь Москва умело притворялась безобидной и доброй, чтобы к утру выдать десять-двенадцать среднестатистических трупов.

«И куда это, интересно, мы едем?» – вяло подумал Никита. Было самое время решительно прояснить ситуацию, но микеринский кокаин действительно оказался из дешевых – волна социального оптимизма быстро сменилась уютным равнодушием к собственной судьбе и ко всему на свете. Разговаривать Никите не хотелось совершенно, но вместе с тем стало казаться, что молчать в данной ситуации невежливо.

– Хорошие у вас часы, – чуть заплетающимся языком произнес он.

– Правда? – радостно удивился Марик и посмотрел на «Брегет» так, словно видел его впервые. – Спасибо. Я, честно говоря, в часах мало разбираюсь. Знаю только, что они должны быть швейцарские, неброские и стоять как можно дороже...

Никита хотел сказать, что одобряет такой понятный и четкий подход, но понял, что вообще не может говорить – рот сковала морозная сухость, которую брехливые дилеры называют подтверждением первоклассного качества своего товара, хотя на самом деле все совсем наоборот.

Помог ему сам таинственный Марик.

– Нюхаешь? – с интеллигентным равнодушием спросил он, бросив на Никиту короткий взгляд.

«Так, изредка...» – намеревался ответить Никита, но смог выдохнуть только хриплое:

– Хуэуу...

– Я сам, можно сказать, почти не употребляю, – словно извиняясь, признался Марик. – Убивает соцреализм восприятия. Но ты еще человек молодой, духовно растущий, тебе нужно...

И он, не отрывая взгляда от дороги, коротким аккуратным движением открыл бардачок. Огромный целлофановый брикет порошка Никита увидел сразу – такие часто показывали в американских боевиках и иногда – в программах криминальной хроники. Именно такие брикеты киношные менты всегда первым делом разрезали карманными ножиками, запуская в них прокуренные узловатые мизинцы. Самое смешное, что брикет Марика был с точно таким же небрежным разрезом, только аккуратно заклеенным короткой лентой медицинского пластыря. Кроме порошка, в бардачке лежал вполне стандартный набор: початая бутылка виски «Грин Лэйбл», большой пистолет с глушителем, с десяток презервативов в ярких упаковках и пачка стодолларовых купюр в разорванной банковской ленте.

– Да бери, бери, не стесняйся, – мягко произнес Марик. – Порошок хороший, прямиком из КНР... В смысле – из Колумбийской Народной Республики, – пояснил он, поймав удивленный взгляд Никиты. – Мне его один хороший человек подарил, генерал МВД. На еврейский новый год. В буквальном смысле положил под елочку, дай ему Бог здоровья...

Ломаться дальше было бы верхом неблагодарности, и Никита полез в карман за соломинкой...

Кокс оказался божественным. Он не обжигал ноздри, а ароматно и нежно ласкал их, одновременно заполняя продрогшую душу счастьем и радостной силой. Аккуратно заклеив брикет и положив его на место, Никита совершил несколько ритуальных движений носом и повернулся к Марику.

– Скажите, а вы... вообще кто?

– Во-первых, не пидор, – спокойно ответил тот, не отрывая взгляда от дороги. – Для тебя, я так понял, это сейчас актуально, так что сразу можешь расслабиться...

Никита мучительно покраснел, но решил, что в полумраке салона его ночной спутник этого не заметит.

– Во-вторых, меня зовут Марк Аронович Циммершлюз. И я хочу тебе помочь. Искренне и практически безвозмездно, хотя по фамилии не скажешь, я понимаю...

По законам вежливости следовало, конечно, представиться в ответ, но сообщать человеку по фамилии Циммершлюз, что тебя зовут Никита Иванович Бугров, было неловко и даже жестоко.

– А что значит «практически»? – осторожно спросил Никита. – Ну, вы сказали: «практически безвозмездно»...

– А, это я автоматически, – пожал плечами Марик Циммершлюз. – И кроме того, мало ли как все сложится. Может, я на тебе еще кучу денег заработаю...

В мозгу Никиты пронеслась палитра возможных вариантов – от вовлечения в наркобизнес и порноиндустрию до продажи органов его молодого тела в закрытые швейцарские клиники, где их мучительно ждут старые пердуны-миллиардеры в запотевших от страданий кислородных масках, но кокаин, хоть и был генеральским, все же имел побочные эффекты – мозг автоматически отфильтровывал все реальное, пуская в душу только глупый радужный позитив. Кроме того, хотелось говорить правду. Причем так сильно, что Никита не выдержал.

– Марк Аронович, – проникновенно начал он. – Я не хочу вас обманывать... На мне вы ни рубля не заработаете. Я – ничтожество. Провинциальный лабух, неудачник, сирота и вообще... Продюсер Шакальский меня не трахнул, вы, как я понял, в курсе, зато сама жизнь отымела по полной. Мне 23 года, а кажется – пора умирать. И главное – никому, ни одной живой душе, нет до меня дела... Я не шучу. Даже если вы меня убьете – никто не хватится, вот увидите! Мне самому непонятно, зачем я родился, наверное – по ошибке... Я ничего не могу дать этому миру...

– Да пошел он на хуй, этот мир!.. – неожиданно жестко произнес Марик.

– В каком смысле? – опешил Никита.

– В аллегорическом, естественно, – уже спокойнее ответил Марик и элегантно закурил тонкую коричневую сигарету. – Он же весь – из кровавого говна, этот твой мир, правят им подонки и звери, а ты ему еще что-то давать собрался? Философ...

Озадаченный Никита надолго замолчал. Возразить по существу было нечего, загадочный Марк Циммершлюз словно читал вслух его собственные мысли, но что-то в глубине отогревшейся Никитиной души робко восставало против такой полной безысходности.

– Мир... – иронично оскалился Циммершлюз, выдохнув облачко ароматного дыма. – Да вон он, совсем рядом! Ты посмотри в окно, посмотри... Правда, ты только что нюхал, так что быть объективным не сможешь, но все равно, если увидишь спокойного счастливого человека – скажи. Я остановлюсь, автограф у него возьму...

– Но... – Никита вдруг понял, откуда в нем нашлась робкая капля протеста, – ...ведь этот мир – лучший из возможных миров, разве нет?.. Это же не кто-нибудь сказал, а сам Бог...

– Так это когда было!.. – совершенно не смутившись, пожал плечами Циммершлюз. – Знаешь, в 41-м, когда немцы под Москвой стояли, Сталин на Совете Обороны сказал – это даже в документах есть! – «Ленин оставил нам государство трудящихся, а мы его просрали». Вот и с миром та же картина. Только срали гораздо дольше и безнаказанней...

– И что же делать? – совсем как ребенок спросил Никита.

– Во-первых, заходить с другого конца...

– Это как? – Сама фраза «заходить с другого конца» вызвала в Никите короткую остаточную судорогу.

– Думать не о том, что ты можешь дать этому, как ты выразился, миру, а что он может тебе дать. В смысле – чем он может сделать тебя хоть немного счастливее? Из того, что у него есть, конечно...

Никита подсознательно бросил взгляд на закрытый бардачок.

– Я не об этом, – покачал головой Марик. – Это – вспомогательная ценность, а я говорю о базовых...

– Базовых мир мне точно не даст, – уверенно покачал головой Никита. – Ему меня размазать проще. И намного дешевле...

– Верно, – спокойно согласился Марик. – С формальной логикой у тебя хорошо. Но все-таки – ты сам-то знаешь, что тебе нужно, чтобы жить счастливо? Можешь хоть примерно сформулировать?

Никита задумался, глядя в лобовое стекло. Проспект впереди чуть изгибался, уходя вверх, и огни ползущих машин на горизонте красиво сливались в две широкие яркие ленты – рубиновую и встречную – золотую. Картина была завораживающей, и сама мысль о том, что нужно напрягаться и что-то формулировать, показалась Никите невыносимой.

– Ладно, понимаю, ты сейчас на нерве и все такое... – вздохнул Циммершлюз. – Давай так. Поживешь несколько дней в здоровой обстановке, поешь икры, рябчиков, попьешь дорогого коньяку, а потом поговорим... Еще раз повторяю – тебя это ни к чему не обязывает, ясно?

– Так не бывает, Марк Аронович, – вяло возразил Никита, чувствуя веселое безразличие к собственной судьбе и сам удивляясь тому, как покорно он едет с каким-то очень подозрительным евреем в московскую ночь, не испытывая ни страха, ни дурных предчувствий.

– Как видишь – бывает... – задумчиво возразил загадочный Марик. – И хватит называть меня Марком Ароновичем, я тебе в отцы не гожусь. Хотя и начал сексуальную жизнь в одиннадцать лет... – Он вдруг вздохнул со сладкой грустью, и его небритое лицо просветлело. – С лучшей в мире девочкой по имени Манана...

Когда они вошли в чистый и просторный лифт, на серебристых стенках которого не было нацарапано ни одного матерного слова, Никита совсем не удивился. Потому что до этого уже были въезд в огромный двор, защищенный механическим шлагбаумом и хмурым, похожим на фашиста, автоматчиком, расчерченная асфальтированная парковка (ничего дешевле «вольво» последней модели Никита на ней не разглядел, как ни старался) и огромный, как школьный спортзал, вестибюль, где их встретила консьержка – не заспанная лимитчица в мятом ватнике, а неестественно бодрая и приветливая женщина в строгом деловом костюме с бейджилом, похожая на начальника отдела крупной фирмы.

Дело происходило в одном из трех круглых небоскребов, которые загадочными золотистыми башнями уходили в небо совсем недалеко от центра. Никите всегда было интересно узнать, кто живет в таких домах.

«Теперь ясно, Марики Циммершлюзы, – с усталой обидой подумал он. – И еще, возможно, их папы Ароны...»

– Нам на какой? – спросил он, отметив, что всего этажей было двадцать пять.

– Нам – на самый правильный. – Марик мягко отстранил его от сверкающей панели, выудил из кармана крохотный ключик, вставил его в почти незаметную замочную скважину и нажал на самую верхнюю кнопку, около которой вообще не было номера. – Пентхаус – слышал такое слово?

– Слышал. Кажется, есть такой журнал для богатых...

– Журналы для богатых – это «Форбс» и «Вэнити Фэйр», – поправил его Циммершлюз. – А «Пентхаус», наоборот, читают те, кто богатых ненавидит и одновременно им завидует. Не путай, а то еще опозоришься...

Никита хотел сказать что-нибудь интеллигентно-язвительное, но пока придумывал, что именно, лифт, мягко затормозив, остановился, и его двери беззвучно раздвинулись.

– Добро пожаловать, – тепло произнес Марик.

– Спаси...бо, – пробормотал Никита, выходя из кабины и потрясенно оглядываясь по сторонам.

За дверями лифта оказалась не лестничная площадка, как можно было ожидать, а совершенно невообразимое помещение. Мягко освещенный широкий коридор с красивыми дубовыми дверями изгибался и явно шел по круглому периметру всего небоскреба. А в центре возвышалось нечто похожее одновременно на реактор звездолета и на циклопических размеров высокую таблетку. Но главное – в помещении не было привычного потолка, лишь где-то там, высоко над головой, мерцали и пульсировали в полумраке неестественно огромные звезды.

– Ничего, привыкнешь, – сказал Марик. – Мне поначалу самому не очень уютно было.

– А вы... вы что, здесь живете? – недоверчиво спросил Никита.

– Ну да. Ночую, во всяком случае. Одним словом, это все – мое, так что чувствуй себя, как дома...

Для одного дня впечатлений было слишком много, и Никита почувствовал, как ноги становятся ватными, а происходящее утрачивает последние черты реальности. Вдобавок начала сильно кружиться голова, и он, попятившись, забормотал:

– Марк Ароно... Марик, вы меня извините, я не хочу показаться неблагодарным... Честное слово... Но знаете, я, наверное, не смогу...

– Слушай, только не начинай опять, ладно, очень тебя прошу... – измученно поморщился Циммершлюз. – Я же обещал – силой тебя никто держать не станет, а пожить пару дней, прийти в себя... Это что, так трудно, я не понимаю?

– Но вам-то это зачем нужно? – с искренним недоумением воскликнул Никита и вдруг резко отпрянул к стене, чувствуя, как лоб его за долю секунды покрылся росой ужаса – горячими и липкими бусинами пота. – Там кто-то есть... – сглотнув слюну, хрипло прошептал он.

Откуда-то сверху, словно прямо со звездного неба, стали доноситься громкие голоса.

Марик сокрушенно вздохнул.

– Знаешь, Никита, ты бы все-таки поменьше нюхал. Seriously, не твое это... Тебе сейчас полстакана виски не помешает. Под икорочку. Заодно и с соседями познакомишься... Только сначала давай с комнатой определимся, ладно?

– С какой комнатой? – не понял вконец оторопевший Никита.

– С твоей, с какой же еще... – терпеливо ответил Марик. – Понимаешь, их у меня восемь, а заняты только четыре, так что есть возможность выбрать. Правда, если честно, большой разницы нет, они все одинаковые... Но зато окна в разные стороны выходят! Ты – парень творческий, ночной, закатом любоваться хочешь?..

* * *

Комната на самом деле была не комнатой, а роскошной четырехкомнатной квартирой с огромной гостиной, немного напоминавшей президентский люкс, который певец Баклан занимал в лондонском «Сент Джеймсе». Только не было батарей пустых бутылок по углам, беспорядочно разбросанного повсюду женского белья, забитых окурками пепельниц и наспех замытого рвотного пятна на шторе. Наоборот – чистота была неестественной. Абсолютной.

Сбрасывая куртку, Никита нащупал в кармане подаренный пакетик, но вдруг на удивление ясно понял, что хочется ему не кокаина, а именно стакан виски. И еще больше – икры. Вполне возможно, загадочный Циммершлюз, как многие жулики и маньяки, был, кроме всего прочего, немного гипнотизером.

Уже готовясь выйти в коридор, Никита щелкнул выключателем у двери и вдруг замер. Затем, все еще не веря своим глазам, медленно подошел к огромному, во всю стену гостиной, окну.

Это было потрясающе. Это было чудом. Высота рождала ощущение, которое наступает в заходящем на посадку самолете, и Москва внизу, сверкающая, бесконечная, фантастическая, была красивее всего на свете. На нее можно было смотреть бесконечно, как на огонь костра, только она была еще живей и величественней.

«Как же хорошо, что я здесь, – вдруг подумал Никита, четко осознавая, что это чувство – не глюк и не фантом кокаинового отходняка, а что-то совсем иное, огромное, настоящее и пронзительное, как музыка. – Нет, в самом деле... Даже если это все ловушка (а так оно наверняка и есть), даже если это моя последняя ночь на земле, то как же хорошо, что я здесь... Я же мог так и умереть, ненавидя этот свирепый пыльный город. Я знал, что он – самый дорогой, самый безжалостный, самый крутой, самый всякий... Но только сейчас понял, что он – самый прекрасный... И оказывается, это неправда, что в нем не видно звезд. Еще как видно! Просто – не всем...

Лестницу, по кругу взбирающуюся на сооружение в центре пентхауса, Никита нашел легко. Она была покатой, удобной и совсем не космической, даже наоборот – сделанной из темного лакированного дерева, под старину. Чем выше он поднимался, тем яснее и четче были слышны разговоры тех, кого Марик назвал «соседями». Разговаривали двое. Третий голос не то бурчал, не то тихо напевал что-то. Марика там явно не было, и это заставило Никиту малодушно притормозить, прижавшись к стене и прислушиваясь к странным текстам, доносящимся сверху.

– А я тебе говорю – он уже заметил меня! – громко и хриловато настаивала женщина с очень заметным акцентом. – Он уже совсем близко! Я... я даже дыхание его чувствую, если хочешь знать!..

– Дурой не будь, да? – раздалось в ответ. – Дыхание она чувствует... Вроде – нормальная баба, чистоплотная, хозяйственная, кончаешь полноценно, а с этим своим Копейкиным прямо мозгами поехала!

У мужчины голос был молодым, уверенным и чуть нагловатым, как у пехотного лейтенанта.

– Вот так всегда, йоб твою мать! – искренне возмутилась невидимая женщина. – Как только мечта, цель всей жизни, становится достижимой, обязательно находится куча мудаков, которые хотят превратить ее в говно, растоптать, унижить...

– Да я о тебе пекусь, дура-лошадь. – Голос ее собеседника стал мягче, но не утратил напора. – Ты же мне практически как сестра... Ну, не то чтобы... В общем, сама понимаешь... И потом, я же не просто так говорю! Мы как раз на последнем собрании в этот вопрос ясность вносили!

– И какую это, интересно знать, ясность вы вносили на своем долбаном собрании?!

– А такую, что жида-капиталисты за столетия изобрели и внедрили в сознание народных масс сотни разных мифов, чтобы романтизировать и даже демонизировать свои грязные денежные шашни! Цинично используя генетически неистребимую веру русского человека в чудо. Не сами, конечно, – на них весь Голливуд работает. А теперь еще и «Мосфильм»! Но с этими-то мы скоро разберемся, слава Богу, далеко ходить не надо...

– Ты просто хочешь отобрать у меня мечту! – не сдавалась женщина с акцентом. – Сука такая!.. Почему? Почему все имеют право на мечту, а я нет?! Харалдай, скажи ему!

Невидимый Никите Харалдай не ответил, продолжая что-то глухо напевать.

– Не отвлекай человека, не видишь – он делом занят, – ответил мужчина с командным голосом. – А мне верь, я знаю, что говорю...

– Да что ты, блядь, знаешь?.. Что?! – Голос женщины сорвался на крик. – А русское купечество? Или они тоже...

– Это серьезная тема, – «лейтенант» заговорил неторопливо и вдумчиво. – Очень серьезная. Одна из ключевых в истории России-матушки, ее в двух словах не раскроешь... Одно могу сказать сразу: русские купцы – чистые, настоящие, которые еще до второго жидовского полувнедрения дела вели, – они бы твоего Копейкина, как Муму, в Волге утопили. Только перед этим крепко бы морду набили, чтобы другим неповадно было православный мир жидовскими прибаутками дурманить...

– Ага! Значит, он все-таки существует, старик Копейкин! Ты сам только что признал!..

– Ты сиськами-то не трясси на радостях! Одно слово – баба! Чему радуешься-то?.. Нет никакого Копейкина, я так, образно!..

Никите не очень хотелось показываться на глаза странным незнакомым людям, но коварный Циммершлюз куда-то пропал, а простоять весь вечер на лестнице, слушая малопонятные разговоры, было бы совсем дико. Он, сделав глубокий вдох, преодолел последние ступеньки и, выйдя на ровное место, интеллигентно кашлянул.

Вершина той самой огромной таблетки, на которую он поднялся, выглядела еще футуристичнее, чем все остальное в пентхаусе. Идеально круглая и подходящая совсем близко к круглой сфере застекленного купола, она была так похожа на нос звездолета, что здесь вполне можно было бы снимать фильмы о космических путешествиях будущего. Видимо, именно поэтому неизвестный дизайнер сделал все, чтобы ее очеловечить, – часть таблетки, отведенная под просторную кухню-гостиную, в которой, собственно, Никита и оказался, была обставлена старинной деревянной мебелью, мягкими креслами и большим столом под белой скатертью, отчего кухня теряла сходство с командным отсеком звездолета и становилась похожей на уютную ночную палубу роскошного парохода.

«“Титаника”...» – сразу невесело решил Никита. Сходство усиливалось тем, что остальная, неосвещенная, часть таблетки была скрыта мраком, и Никите даже показалось, что он услышал доносящийся оттуда плеск воды.

«Все еще глючит, зараза...» – с раздражением подумал он.

– А, привет-привет, – произнес бодрый антисемит-русофил, оказавшийся совсем молодым (ненамного старше самого Никиты) плечистым парнем с лицом русского витязя, сбритого бороду. – А то жидяра сказал, что у нас новый сосед, а сам сгинул куда-то... – Он протянул Никите крепкую и широкую, как лопата, руку. – Иконников. Виктор Петрович. Для своих – просто Витек.

– Никита. Бугров... – ответил Никита и снова кашлянул. В горле першило – не то от волнения, не то от плохого микеринского кокаина.

– А по отцу тебя как?

– Иванович.

– Во! – искренне возликовал Витек. – Наш парень, расейский! Ты – Иваныч, я – Петрович, кто не с нами – Рабинович!! Присаживайся, Никита, в ногах-то правды нет. Хотя, – помрачнев, добавил он, – при нынешних жидовских порядках ее нигде не сыщешь...

«Интересно, как он при таких взглядах с Циммершлюзом уживается?» – успел удивиться Никита, стараясь выдавить из себя бледную улыбку.

Если внешне Витек, одетый в простую черную футболку и старые джинсы, выглядел вполне обычно, то его собеседница, сверлящая Никиту недобрый взглядом, была одновременно похожа и на похотливую дворовую девку, и на злую колдунью из американского фэнтези-фильма. Ее лицо казалось блеклым и бесформенным, крупное грудастое тело закрывало мышинного цвета рубище, спутанные пепельные волосы были кое-как стянуты грязной резинкой, а на почти мужском запястье красовались красноточные командирские часы на потертом ремешке. Она курила самую настоящую папиросу, а на столе перед ней стоял недопитый стакан чая в подстаканнике.

Загадочный третий продолжал что-то бормотать, согнувшись в углу около плиты. Никита только краем глаза видел его покатуя спину.

«Все-таки нужно было еще разок нюхнуть...» – запоздало решил он.

– А тебе говорили, Иваныч, что ты на педика похож? – цикнув зубом, спросила деваха, и Никита мучительно покраснел – в который уже раз за этот бесконечный день.

– Он не педик, – раздалось от лестницы. – Совсем даже наоборот. За что и пострадал... Шолом, дамы и господа.

Появившийся на странной кухне Марик выглядел буржуазно до неприличия и напоминал мафиози в часы отдыха – на нем был короткий серо-бежевый халат с почти незаметным значком «Версаче» на нагрудном кармане, а под халатом – свободные домашние брюки такого же цвета. Дополняли картину чуть надменная белозубая улыбка, аккуратно зачесанные назад влажные черные волосы и едва уловимый, но несомненный аромат дорогого одеколона.

– И вообще, хватит на парня наседать, у него сложный день был, – продолжил Марик, приблизившись к столу. – Уже познакомились, нет? Тогда давайте по-быстрому, есть хочется. Никита Бугров, натурал-интеллигент, по профессии – музыкант. А это, – он положил одну руку Никите на плечо, а другую элегантно вскинул, обводя кухню, – наш маленький дружный кагал. Витя Иконников, черносотенец и тварь, но в глубине души – хороший парень. Или наоборот, я еще сам толком не разобрался...

К Никитину удивлению, Витек ничего не сказал, лишь улыбнулся с благодушной иронией.

– Это, – Марик указал на хмурую мясистую девку в рубище, – Шон Эванс. Англичанка, выбравшая свободу...

– Я не англичанка, а валлийка, мог бы уже и запомнить, – выдохнула та вместе с едкой струей папиросного дыма. – А вообще-то я русская. И звать меня Шуркой...

– Язык и нравы изучала в Ивановском педучилище, – невозмутимо продолжал Марик. – Имени товарища Фурманова, между прочим. Хотя, судя по манерам, не так в самом училище, как в его общежитии на улице все того же товарища Фурманова... В Москве проживает по фальшивому молдавскому паспорту, выданному на фамилию Пештеряну, что в переводе значит «не рви занавеску»...

– Хоть бы ты не пиздел, Марик, – Шон Эванс сплюнула на пол и небрежно вытерла рот ладонью. – И без того тошно, вон Витька все настроение обосрал... А паспорт у меня – настоящий, ты не хуже меня знаешь. Я только фотокарточку переклеила...

Марик повернулся ко все еще согнутой над плитой спине третьего незнакомца.

– Уважаемый зарин, можно вас отвлечь на секунду?

– Та я вже йду, – прозвучало в ответ, и Никита увидел невысокого плотного дядьку с добрым круглым лицом, одетого в спортивный костюм с надписью «Байер Мюнхен». – Усе, як то кажуть, готовченко...

Голос Марика зазвучал почтительно и даже торжественно.

– А это, Никита, сам великий шаман средней и северной Бурятии Харалдай Ех-Анур Тэмдег-Зарин. Слышал, наверное? К нему пол-Москвы на прием ломится. Но позволить себе могут только избранные...

– Та ладно, шо ты, Марик, у самом деле... – благодушно смутился дядька и протянул руку. – Здоров, Никита, сидай, вечерять пора...

– В самом деле, нас сегодня кормить будут или как? – Марик произнес это с шутливой строгостью, но Шон Эванс вдруг, тряхнув грудями, сорвалась с места и начала суетливо, но очень умело накрывать на стол.

Совсем крохотная часть мозга, сохранившая способность трезво оценивать реальность, начала нашептывать Никите, что все происходящее: матерящаяся Шон Эванс, фашист Витек, похожий на прораба-украинца великий шаман с непроизносимым именем и Циммершлюз в пижаме от Версаче, сидящие за столом под стеклянным куполом небоскреба, – не что иное, как подлая и продуманная до мелочей мистификация, затеянная, чтобы окончательно свести его, Никиту, с ума, но сил сопротивляться не было.

– Между прочим, я обещал Никите виски с икрой, – аристократично сообщил присутствующим Марик.

– Да завязывай, Циммершлюз, – протянул Витек. – Давай поедим, как нормальные люди. У нас сегодня щи, каша демидовская, шаньги с мясом... Зря, что ли, Шурка горбатилась?

– Знаешь, Витек, давай ты это говно будешь у себя на слетах хлебать. Деревянной ложкой. Под победный звон балалаек. А в приличном доме и еда должна быть соответствующей...

– Ох и трудно с вами, жидами, – тяжело вздохнул Витек. – Ладно, Шон, икру тоже давай на стол, пища-то, в общем, русская, не потравимся. Только никакого виски, не на кагале!.. Я литруху «Смирновской» прикупил, в морозильнике стоит... – Он дружески хлопнул Никиту по плечу. – Не печалься, Никита Иваныч, сейчас по первой дерябнем – попустит...

По кухне, несмотря на огромное открытое пространство, уже носились удушливые капустно-мясные ароматы.

– Знаете, ребята, я что-то есть совсем не хочу, – с трудом произнес Никита. – Не обижайтесь...

Циммершлюз и Витек озадаченно переглянулись.

– Та шо ж цэ я, у самом деле... – вдруг виновато спохватился шаман в спортивном костюме. – Совсем сдурел! Я ж токо-токо свиженький бурхун-тэге сварганил! А цэ ж против стресса та других неприятностей – перше дело! – Он быстро встал, отодвинув стул. – Шон, доця, давай чашки. Оти, сами большие, ну, ты знаешь...

Шурка послушно поставила на стол несколько тяжелых глиняных пиал, но сама твердо сказала:

– Лично я водку буду. Много.

– А я подлечусь, – весело отозвался Витек. – Я твой бурхун-тэге, Харалдай, очень даже уважаю. Тем более – пятница, завтра на буржуя спину не гнуть... Да ты не напрягайся, Никит, это ж тебе не химия, которой негры славянский мир хотят извести! Народная медицина! От земли-матушки...

Бурхун, который Харалдай бережно разливал в пиалы, снова начав что-то тихо бормотать, был теплым, но не горячим, и уютно пах грибным супом и еще какими-то не то ягодами, не то неведомыми травами. Никита с минуту посидел, обхватив шершавые бока пиалы и вдыхая колдовской аромат.

«Дурман», – подумал он. Но не с опаской, а с радостным предвкушением чего-то доброго, а главное – очень нужного. Ну, дурман... И очень хорошо. Все лучшее, что успело случиться в его комканой, как старая газета, жизни, было дурманом – Настя, музыка... Бабушка – нет, она как раз дурманом не была, она была очень настоящая, его бабушка, маленькая аккуратная седая женщина с глазами озорной девчонки. Она – сомнений не было – сейчас сказала бы: «Пей, Никитушка, хорошие же люди угощают. Только гляди – потом расскажешь, как тебе было, договорились?..»

Циммершлюз и Витек уже сделали по большому глотку и задумчиво сидели, размышляя каждый о своем. Шон Эванс зажгла свечи в красивом старом подсвечнике и клацнула выключателем – лица сидящих за столом сразу сделались мудрыми и загадочными, а звезды за стеклянным куполом превратились в сплошной золотистый ковер, совсем как на заставке «Dolby Digital».

Никита сделал длинный тягучий глоток и закрыл глаза.

Но когда он их открыл, мир был прежним, ничего не изменилось. Марик и Витя по-прежнему задумчиво молчали. Украиноязычный шаман Харалдай вынул из кармана деревянные четки и, прикрыв глаза, медленно перебирал их пухлыми пальцами. Шон опрокинула очередную стопку водки и зачерпнула ложкой икры из стоявшей в центре стола хрустальной салатницы. Отблески свечей подрагивали на лицах и терялись во мгле пентхауса. Тихий шум воды стал еще слышнее, но теперь это не беспокоило Никиту, а наоборот – казалось очень понятным и естественным.

«Господи, как же все красиво...» – подумал Никита, чувствуя, что сейчас заплачет от благодарности – к Богу, к этим случайным, но таким родным людям, к бесконечному дню, который словно извинялся за все беды и боли, что принес с собой. Оказывается, мир только

притворяется злым, а на самом деле он добрый, мудрый и красивый, и все будет хорошо – просто потому, что иначе и быть не может, это же так ясно...

Никита опустил глаза и увидел, что его пиала пуста, и это было странно, потому что он запомнил только первый глоток. Но даже будучи пустой, пиала была исполнена особого смысла. Этот смысл было очень просто понять, но невозможно объяснить. Да и зачем объяснять то, что всем ясно?..

– Вообще-то у нас здесь свои традиции, – негромко сказал Марик, закуривая свою черную сигарету и выпуская дым, который пламя свечей тут же превратило в облако золотой пыли, расплывающееся над столом причудливым узором. – Каждый вечер посвящен одному из вас, по очереди...

– Сегодня вообще-то у нас игра в правду намечалась, – мягко возразил Витек. – Пятница же...

– Ой, я эту вашу правду, блядь, ненавижу!.. – рявкнула Шон, но – странное дело – Никита почувствовал не раздражение, а пронзительную, всепрощающую жалость к этой матерящейся, как уголовник, некрасивой тетке в рубище. И только сейчас заметил, что это самое рубище сплошь усыпано мелкой золотой пылью, словно оно сшито из мешка неведомого золотоискателя. В этом тоже не было ничего удивительного – тот же золотистый налет, оказывается, украшал все вокруг, причем Никита понял: так было всегда, он просто не замечал...

– Да, пятница, – согласился Марик. – Но сегодня с нами Никита, и это важнее, разве нет?

Никто не ответил, но все были согласны. Никита сам почувствовал это, как и то, что слова, оказывается, совсем не нужны, люди легко понимают друг друга без них.

– Расскажи нам свою жизнь, Никита, – Марик смотрел на него мудрыми добрыми глазами, в которых, подрагивая, жили огоньки свечей. – Ведь она стоит того, чтобы о ней рассказать...

К этой минуте мир открылся окончательно, стряхнув с себя пустоту и злобу, которые совсем недавно казались его сутью.

«Конечно же... Конечно, друзья... Спасибо, что попросили... Моему миру тесно во мне, да и зачем он вообще нужен, если его никому не показывать? Даже Господь создал закат лишь для того, чтобы люди любовались им. А звездное небо – чтобы мы не грустили, когда закат уходит... Того, чем мы не делимся, не существует. А зачем нужно то, что не существует?.. Конечно же я хочу вам рассказать себя... Слушайте...»

Никита вдруг понял, что не говорит вслух, а просто громко и отчетливо думает. И испугался, что не может произнести ни звука. Но испугался лишь на миг – так было даже лучше. Легче и честнее. Честнее и понятней. Почти как музыка...

И, сидя в абсолютной тишине погруженной в золотой полумрак кухни-палубы, Никита Бугров начал думать, думать, думать, думать свою жизнь...

* * *

Он не чувствовал себя сиротой.

Хотя после смерти родителей еще долго – лет до десяти – постоянно рисовал горящие самолеты на клетчатом небе школьных тетрадок.

Но эти рисунки были произвольной реакцией детской души, вдруг постигшей, что люди умирают, и не просто люди, а даже самые родные, и не от старости, а от страшных и неожиданных вещей, например, от загоревшейся в небе груды железа.

Но когда Никита склонялся над очередным листком с двумя карандашами – синим и красным (другие были ему не нужны), то чувствовал не тоску по жившим-жившим и вдруг исчезнувшим папе и маме, как, наверное, думали обеспокоенные учителя, а ту самую детскую смесь ужаса и восторга, которая каждый раз заставляла его вскидывать голову, когда он слышал гул очередного пролетающего высоко в небе лайнера. В такие минуты Никита с замира-

нием сердца мечтал о том, чтобы огромная летающая машина загорелась у него на глазах, беспомощно накренилась и с ревом полетела к земле, оставляя за собой черный дымный след...

Но об этом Никита не рассказывал никому, даже бабушке. Он был умным мальчиком.

А острого, ранящего душу сиротства он не чувствовал по причине вполне объяснимой – с самого раннего детства он жил с бабушкой, и родители – молодые, счастливые и свободные – приезжали к ним на выходные, как радостные ожидаемые гости – с кучей подарков, билетами в приехавший на гастроли цирк и неизменной стопочкой рублей, которую бабушка аккуратно прятала в верхний ящик старого комода.

Конечно, Никита помнил запах маминой кожи и блузки, помнил, какими могучими казались плечи отца, когда он, пятилетний и восторженный, сидел на них во время праздничного салюта, но, наверное, этого было мало, чтобы мир стал пустым и ненужным, когда папы и мамы не стало.

Другое дело – бабушка. Без нее, наверное, мир рухнул бы за одну секунду. Но бабушка – живая, добрая и любимая до слез – была рядом. Поэтому и с миром ничего не случилось.

Воспитывать Никиту – в привычном дурацком смысле этого слова – было не нужно. Он рос вежливым, сообразительным и в меру послушным мальчиком. Неплохо учился, пропадал с мальчишками во дворе, читал книжки и смотрел мультики.

Когда он учился в третьем классе, бабушка отвела его в музыкальную школу, и почти сразу выяснилось, что у мальчика «есть способности». Но даже сольфеджио, музыкальная грамота, нудные гаммы и этюды Шопена не смогли испортить детство Никиты, уютное, распахнуто-свободное, пахнущее листвой заросших палисадов и кострами на берегу Волги.

Только повзрослев, Никита смог оценить бытовой подвиг бабушки. Сразу после гибели родителей она продала их совсем новый «форд» (в те годы это была дорогая и престижная машина), а трехкомнатную родительскую квартиру в районе Юность разменяла на три однокомнатные, которые постоянно сдавала – то студентам, то командировочным, то переехавшим в Тверь молодым семьям. Поэтому Никита рос, чувствуя себя не беднее и не богаче своих друзей и одноклассников.

А потом он повзрослел. Произошло это в восьмом классе. Голос его, попуская несколько месяцев смешные петушинные трели, зазвучал низко и грубовато, под носом появилась полоска редких темных волос, а мысли все чаще и чаще приобретали совершенно определенное направление.

Тогда бабушка и решила едва ли не в первый раз поговорить с ним «серьезно». Вернее, говорила она как раз подчеркнуто несерьезно, то и дело со смущенной улыбкой запинаясь, как девочка, и понижая голос, словно их могли подслушать. Но этот разговор Никита запомнил на всю жизнь.

– Никита, родной, давай с тобой договоримся, – сказала тогда бабушка. – У тебя сейчас начнется самое интересное время в жизни – первые влюбленности, барышни, приключения... Ну, ты меня понимаешь... Давать тебе советы я не собираюсь – во-первых, юность не слушает старческих советов, и правильно делает, а во-вторых, откуда мне знать, как вы сейчас живете? У каждого поколения свои грешные радости... Поэтому я прошу тебя об одном, – золотистые глаза бабушки в этот миг были очень молодыми, девичьими, и в них прыгали озорные весенние огоньки. – Рассказывай мне все, что с тобой будет происходить, ладно? Я имею в виду – вообще все...

– Ба, да ты что! Я, наверное, не смогу... – пробасил потрясенный Никита и мучительно покраснел. Краснел он столько, сколько себя помнил, и сколько помнил, ненавидел себя за это.

– Нет, ну так не пойдет! – бабушка заговорщицки нагнулась к нему. – Послушай, должна же быть в мире хоть какая-то справедливость! Ты себе даже не представляешь, Никитушка, как много разных вещей прошло мимо меня. Твой дедушка, он... был очень строгим человеком. А сам взял и умер в сорок два года, совсем молодым, ты знаешь... И я осталась с твоей мамой.

А потом появился ты... В общем, жуть – одни сплошные заботы и ответственные решения, представляешь? А ведь нам, девчонкам, хочется совсем другого!.. – Бабушка смущенно хохотнула, совсем как его одноклассницы, когда говорили что-то стыдное, но приятное. – Сама я уже ни на что не гожусь, это ясно. Зато смогу все почувствовать через тебя, понимаешь?..

Никита ничего не понимал. Онемевший от неожиданности, он слушал бабушку с пылающими щеками и глупо разинутым ртом.

– А что это ты так удивляешься? – улыбнулась она, тоже порозовев от радостного волнения. – Ведь обидно же прожить жизнь дурой, которая не испытала и половины всех радостей, которые положено!

– А кем положено, бабуль? – неуверенно спросил Никита.

– Как – кем? Господом Богом, конечно! – не задумываясь, ответила бабушка и протянула ему ладонь с красивыми длинными пальцами. – Ну что, слово?!

Чувствуя, что он делает что-то очень неправильное и глупое, о чем не раз пожалеет, Никита пожал протянутую руку. Бабушкины глаза сверкнули молодым огнем.

– Только не говори никому, – понизив голос, прошептала она и улыбнулась. – А то еще решат, что я – старая извращенка, а ведь это неправда... Я же не виновата, что у меня молодая нерастраченная душа!.. – И уже совсем по-другому, спокойно, добавила: – А насчет музыкальной школы, Никит, решай сам, ты уже взрослый...

О музыкальной школе бабушка упомянула не просто так. За два последних года Никита из лучших ее учеников превратился в законченного троечника и кандидата на отчисление. Его ругали за неправильную аппликатуру и нечеткое построение музыкальных фраз, несоблюдение нюансов и провисание рук. И это было особенно обидно, потому что ему казалось – он только начал по-настоящему понимать и чувствовать музыку. А главное – любить.

Самый жуткий скандал разразился, когда завуч Татьяна Максимовна застала Никиту за роялем в пустом вечернем классе. А ведь он оказался там совсем случайно. Ему просто вдруг захотелось прикоснуться к клавишам и подумать в одиночестве. Проходя по коридору, он увидел приоткрытую дверь, силуэт инструмента в полумраке класса, вошел, сел, поднял крышку и начал негромко играть одну из прелюдий Рахманинова. Как только прозвучали первые звуки, на душе стало легко и приятно, и Никита подумал об однокласснице Нине Шестаковой, которая вчера при расставании вдруг поцеловала его в щеку, вспомнил, как хорошо было на Волге, куда они с ребятами ездили в субботу вечером, затем начал представлять себе, как они пойдут на день рождения к Юрке Орлову из «Б» класса...

Вспыхнувший внезапно свет заставил его вздрогнуть и прищуриться. Пальцы на клавишах замерли сами собой.

– Что это?! Я спрашиваю: что это за мерзость?! – Обычно спокойную и даже приятную женщину крупно трясло, она не говорила, а орала, брызгая слюной.

– Да нет... Я просто... – попробовал объяснить Никита, но завуч не дала ему договорить, вдруг забившись в истерику.

– Молчать!! Прекратить!! Хам!.. Как ты вообще посмел!! Как ты мог?! Вон отсюда!.. Из школы – вон!!

Двадцать минут назад Татьяна Максимовна, придя домой, застала своего мужа, подполковника в отставке, с молодой любовницей, стройной и бесстыжей продавщицей Наташкой, живущей по соседству, поэтому, собственно, не находя себе места, и вернулась в школу, бродя теперь по темным коридорам в злобно-истеричном состоянии. Но Никита-то этого не знал. Поэтому всерьез расстроился и вернулся домой задумчивым и грустным...

А через два дня, в пятницу, его вызвали на педсовет. Звучали слова «глумление», «надругательство», «вандализм»... Стоящий с виновато опущенной головой Никита не знал, что ответить сидящим за длинным столом неестественно серьезным взрослым людям, вдруг ставшим официальными и очень чужими. А потом ему велели подождать в коридоре...

Через минуту из-за двери вынырнул учитель сольфеджио Борис Анатольевич, не по возрасту быстрый, взлохмаченный. Схватил Никиту за рукав, оттащил в сторону, к окну, поднял прячущиеся за густыми бровями молодые глаза...

«Сейчас велит покаяться», – устало подумал Никита.

Но старик, пристально глядя ему в глаза, произнес совсем другое:

– Никита, дорогой, послушай меня, пожалуйста... Из всего, что наговорили, я понял только, что у тебя есть своя музыка... Так?

Никита неопределенно пожал плечами. Своя музыка? А что это значит?..

– Так вот, послушай... – радостно и энергично продолжил Борис Анатольевич и махнул слабой рукой в сторону двери. – Чем бы вся эта говорильня не закончилась, наплюй, слышишь!..

– В каком смысле? – спросил сбитый с толку Никита.

– В прямом! Наплюй и живи себе дальше! И обязательно играй! Играй!.. Даже если они тебя выгонят! Подумаешь... Музыкальные школы заканчивают миллионы людей. А своя музыка есть у нескольких десятков в мире! Да и то я не уверен...

Тогда, в школьном коридоре, Никита так ничего и не понял. Из школы его не исключили. А Борис Анатольевич через три месяца умер от инфаркта...

Никита все чаще и чаще садился за клавиши, когда никто не слышал. Но теперь у него появилась еще одна страсть – мотоцикл...

Странно, раньше он вообще не обращал внимания на эти отвратительно жужжащие машинки, летающие по старым тверским улицам. И не понимал гордо-снисходительных взглядов, с которыми их обладатели неторопливо снимали шлемы, остановившись около кафе или школы, в которой училась подружка. А теперь он провожал восторженным взглядом каждый из них, кожей чувствуя, что мотоцикл – это свобода и молодость, это волшебство, дающее крылья...

Ездить он научился очень быстро, за два дня. Старая «Ява» Кольки Романова, доставшаяся тому еще от отца, была разбитой, как фронтовой грузовик, и не умирала только потому, что на ней брали первые уроки двухколесного мужества все новые и новые поколения тверских пацанов. Сделав на ней, грохочущей полуоторванным железом, несколько больших кругов по окрестным улицам, Никита понял, что раньше, до того как сесть в седло, не вполне жил, сам того не осознавая...

Бабушке он рассказал о мотоцикле так сдержанно, как только мог. Потому что был уже большим мальчиком и понимал – это дорого. Очень дорого. Слишком дорого...

...Из салона позвонили в день его шестнадцатилетия. Утром, часов в десять.

– Ба, ну ты что?! – даже сквозь запредельное, нахлынувшее космической волной счастье в душе Никиты прорвалось чувство жгучей вины. – Зачем?.. Я бы сам... Через пару лет...

Бабушка, стоя на пороге, смотрела на него с улыбкой. И казалась очень молодой.

– Ты продала что-то, да?! А вообще, что я спрашиваю, конечно же продала!.. Что-нибудь очень свое, да, ба?.. Самое дорогое и личное?! Слушай, давай я прямо сейчас в салон позвоню, а? Ребята не обидятся...

– Даже не вздумай...

Бабушка подошла и положила свою мягкую ладошку Никите на грудь, она часто так делала.

– Во-первых, не обижай меня. Сегодня очень важный день, и я к нему долго готовилась. А во-вторых, я бы полмира продала, лишь бы увидеть тебя таким, как сейчас... Когда-нибудь – потом, не скоро – ты сам поймешь, что главное счастье на свете – это радовать тех, кого ты любишь...

Такой вот она была, Никитина бабушка.

Жизнь окончательно стала счастьем. Пролетев над километрами окрестных дорог на верном «корейце», Никита возвращался домой и садился за инструмент, чтобы рассказать миру о своих радостях и мечтах. Бабушка ему не мешала. Застывшая на старом стуле в углу комнаты, задумчиво-внимательная, она, бабушка, была не в счет. От нее у Никитиной души не было секретов...

Иногда она даже не входила, а слушала музыку из соседней комнаты, через приоткрытую дверь.

– Ба, а тебе вообще... ну... нравится то, что я играю? – как-то решился спросить Никита, все время робко откладывавший этот разговор.

– Даже не знаю, Никитушка... – бабушка виновато потупилась. – Ты только не обижайся, ладно? Я просто так к твоей музыке привыкла... Вот ты играешь – и словно мы с тобой разговариваем! И еще кажется, я при этом такая молодая-молодая...

Потом была Настя. Настя...

Однажды Никита, катаясь, остановил мотоцикл возле стоявшей у дороги девичьей фигурки. Зачем? Просто так...

День был не по-весеннему жарким. Теплое, как хлеб, русское небо казалось необъятным и чуть тревожным. Работающие вдаль женщины-крестьянки что-то напевали.

У нее было простое открытое лицо и синие, под цвет неба, глаза. Горячий ветер развеивал пшеничные волосы. Она не улыбалась, но и не отводила глаз...

Никита выключил двигатель и слез с мотоцикла. Протянул руку, и девушка тут же протянула навстречу свою – крепкую, но трепетную, как подобранная с земли ласточка. Не сказав друг другу ни слова, они пошли, держась за руки, в тот уголок мира, где никого не было.

Книги и фильмы любят описывать, как неопытные любовники путаются в одежде, двигаясь робко и суетливо. Никита не помнит, куда делась их одежда. Да и была ли она вообще?... Когда два юных тела сплелись, на планете Земля одновременно ударило десять тысяч молний. Боль и наслаждение было одним и тем же, просто раньше почему-то казалось, что это – разные вещи. Танец их тел длился вечно. У него, танца, не было ни имени, ни меры. А потом они оба на миг ослепли от золотого счастья и долго плакали, обнявшись, навзрыд, не сдерживаясь и не стесняясь, таким невыносимым было их наслаждение...

Даже сегодня, угрюмый и проклятый, повзрослевший от мерзостей мира, Никита не нашел слов для того, что было у них с Настей. Любовь? Но они совсем не знали друг друга. Секс? Он тогда вообще не очень понимал, что значит это короткое иностранное слово...

Она была его первой женщиной. Он – ее первым мужчиной. Они жили, только обнимая друг друга. Все остальное время их тела ныли от боли, как плохо зажившие раны, и требовали друг друга.

Никита не помнил Настиного голоса. Разговаривали ли они вообще? Наверное, да. Откуда-то же Никита знал, что ее зовут Настя, что она старше его (ей было восемнадцать), знал село, в котором она жила, потому что каждый вечер лихо отвозил ее туда на мотоцикле по разбитой грунтовке.

Никита не скрывал того, что с ним случилось, от бабушки. Он же дал слово.

– Ба, у меня теперь есть Настя, – глупо сказал он в первый же вечер, стоя посреди темной комнаты и не зная, что добавить.

Оставалось надеяться на бабушку – все его мальчишеские обаяния и поцелуи она любила обсуждать долго и подробно, с нежным любопытством. Но сейчас, наверное, что-то почувствовала. Потому что ни о чем не спросила Никиту, лишь улыбнулась и вышла из комнаты, на ходу прикоснувшись мягкой ладошкой к его груди.

Они с Настей встречались каждый день. Они любили друг друга в стогах сена, в теплой, как одеяло, волжской воде, на лужайках перелесков... Два юных благодарных существа, зады-

хающихся от наслаждения и не знающих, что его можно стыдиться. Они не говорили о любви, но знали, что всегда будут вместе. Они ничего не знали друг о друге, но знали все.

Среда тогда не отличалась от воскресенья, а ливень от жары. Музыка перестала быть главным на свете, а мотоцикл был нужен лишь для того, чтобы доехать до стоявшей у обочины Насти...

Их было девятнадцать. Девятнадцать дней жизни Никиты Бугрова были отдельными от всех остальных, они состояли из Настиного пахнущего летом и счастьем тела и пролетающих, как одна секунда, ночей расставания.

На двадцатый колхозный трактор, подпрыгнув на повороте, рассыпал по дороге пол-ящика крупных ярко-желтых яблок. Летящий на «корейце» с Настей за спиной Никита успел заметить эти золотые шары смерти, но тормозить было поздно, а обогнуть все до одного – нереально, яблоки устилали асфальт плотным душистым ковром...

У Никиты было двенадцать легких переломов и сотрясение мозга. Он глаза открыл лишь через две недели, а пролежал в больнице три месяца.

Настя умерла сразу. Ее голова разлетелась на части, ударившись о придорожный бетонный столб...

Выйдя на крыльцо больницы через три месяца, Никита отправился не домой, а на могилу Насти. Руки и ноги не то чтобы болели, нет, просто казались немного чужими. Но все равно он шел очень долго, и когда добрался до старой покосившейся ограды, уже начинало темнеть.

– Ты куда это на ночь глядя собрался, паря? – спросил его ветхий дедушка с выцветшими глазами и погасшей папиросой в углу морщинистого рта, единственный, кто встретился по дороге. – Гляди, того... Про наше кладбище люди вона какие страсти говорят!.. Не приведи Господь, малую ведьму встретишь... Эй, паря, ты чего? Я ж тебе по-серьезу говорю... Небось, слышал про нее, ну, которая за девок, что до срока померли, месть выдает?.. Стой! Да стой ты!.. Завтра лучше придешь, с утраца... Не буди лихо, пока оно тихо! Слышь, чего говорю-то?.. Ну, гляди, как знаешь...

Никита не знал, зачем пришел сюда, на совершенно чужое ему сельское кладбище. А его тело и душа не знали, как будут жить без Насти.

Наступил май.

Остывающая земля бесновалась от молодой силы.

Никита хватал ртом весенний воздух, пахнущий сиренью, жасмином и горем. Кресты и обелиски призраками проступали сквозь молодые заросли. Луна над головой была огромной и темной, как отравленный апельсин...

Узкая тропинка петляла между рядами могил. И Никита послушно пошел по ней, лунной и зовущей. И не ошибся.

Оградки не было. Холмик на Настиной могиле скрывала мешанина мертвых цветов, чужая сирень тянула к нему непрошенные душистые ветви, девушка на фотографии была живой и не похожей на его Настю...

Никита сел на старую покосившуюся скамейку и решил, что никогда не уйдет отсюда. Но, просидев так неизвестно сколько, вдруг услышал в темноте легкие шаги и вскинул голову, вглядываясь в темноту.

Она была здесь – напряженная, как струна, фигурка в детском платье, замершая в проходе между могилами. Но как только Никита заметил ее, резко отвернулась и быстро зашагала по золотистой от луны тропинке прочь, в чернеющие заросли. Обезумевший Никита бросился следом. Он бежал быстро, но детская фигурка никак не приближалась, продолжая маячить далеко впереди, словно заколдованная. И все же он догнал ее, упав на колени, схватил за худые, обтянутые ситцем плечи, развернул...

У нее было лицо тридцатилетней женщины. Губы напоминали косой шрам. Злые глаза не знали, что такое прощение.

Голоса невидимых ночных птиц все носились над старым кладбищем, над огромным, задыхающимся от весны миром и знали все о жизни и смерти...

Никита не произнес ни слова. Он, все так же стоя на коленях, рванул незнакомку к себе, обхватил руками, прижался к худому детскому телу, крупно вздрагивая от слез. Оглушенный и нездешний, он не просил у нее пощады. Он просил жалости и защиты, как ребенок – потерявшийся, осиротевший и напуганный.

Она не оттолкнула его. Но и не пошевелилась. Маленькая статуя в ситцевом платице. Фея украденного женского счастья.

«Конечно же... Она никогда не сможет простить меня...» – со спокойным горем подумал Никита.

И тут фигурка пошевелилась. И заговорила. Ладонка, гладившая Никиту по волосам, была детская-детская, а голос – наоборот, очень взрослый, со скорбной хрипотцой...

– Как же ты с этим жить собрался? А?..

И она, вдруг резко оттолкнув Никиту, развернулась и шагнула в ночь. А он, рухнув спиной на землю, заорал – хрипло и оглушительно, как не кричал еще никогда в жизни. Ему казалось: он ослеп и умер от обрушившейся на него боли – огромной, как мир, и слишком страшной, чтобы существовать на самом деле.

Все еще лежа и зайдясь в вопле, Никита провел ладонью по груди, ожидая нащупать кровавое месиво.

Раны не было. Даже рубашка была целой.

Но еще не перестав кричать, он уже знал, что произошло. За миг до того, как исчезнуть, маленькая девушка с лицом тридцатилетней женщины с хрустом вонзила в его дергающееся в кровавой муке сердце толстый и узловатый сучок вечного проклятия...

* * *

Никита проснулся от того, что его душат, при этом жестоко, до боли, выкручивая правую руку. Происходило это в абсолютной темноте и почему-то под ритуальный бой барабанов. Чувствуя, что в глазах темнеет, Никита собрался с силой, захрипев, рванул и... перевернулся на спину. Минуту или две он судорожно хватал ртом воздух, словно вырвавшийся на поверхность ныряльщик, чувствуя, как неистово колотится в груди сердце. Еще не до конца придя в себя, он уже понял, что лежит совершенно голый на огромной удобной кровати и, скорее всего, его никто не душил – просто он спал, уткнувшись лицом в мягкую подушку и неудобно заломив ту самую руку, по которой сейчас бегали миллионы невидимых мурашек. Барабанный бой, правда, не исчез совсем, но перестал быть оглушительно грозным и превратился в далекий непонятный звук, не имеющий к нему, Никите, никакого отношения.

А затем он вспомнил все... Дикую ссору в студии, свое блуждание по сумеречной Москве, неизвестно откуда взявшегося Микерина, таинственного Марика Циммершлюза, его странных квартирантов и ужин, вместо которого он выпил пойло, приготовленное хохлом – шаманом с непроизносимым именем, скорее всего – шизофреником.

Сейчас, по всем законам здравого смысла, ему следовало вскочить и немедленно бежать отсюда куда глаза глядят. Но – странное дело – бежать совершенно не хотелось. Наоборот, Никиту захлестнула волна давно забытых им чувств – покоя и уюта, и хотелось ему не бежать, а нежиться под одеялом, ощущая доброе послевкусие колдовского напитка, нашепывающее, что все очень хорошо и бояться в этом мире попросту нечего.

«Мне давно не было так хорошо, – неожиданно для самого себя сформулировал Никита. – С чего бы это?..»

И вдруг замер от радостного ужаса. Ему показалось, что проклятие, с которым он жил долгие годы, исчезло. Но это длилось лишь миг – он почти сразу же почувствовал, что проклятие, вросшее в душу колючим осиновым колом, никуда не делось, только загадочным образом сжалось и теперь было не больше карандаша. Но сидело на месте крепко. Мертво.

Никита, не вылезая из-под одеяла, огляделся. «Президентский люкс» при свете дня казался еще просторнее и буржуазней. Одежды нигде не было видно, поэтому Никита завернулся в тонкое одеяло и, встав, прошлепал босыми ногами по фигурному паркету. День был серым и угрюмым, но вид из окна все равно завораживал: бушующая Москва далеко внизу, словно фатой, была укрыта дымкой тумана и от этого непохожа на себя, казалась нежной и загадочной.

Посетив огромный, вымощенный мрамором туалет, Никита хотел было принять душ и почистить зубы, но подумал, что, не имея во что одеться, делать это нелепо. О том, кто его раздел и как именно это происходило, он старался не думать.

Поколебавшись еще пару минут, он приоткрыл незапертую дверь в коридор. Гул барабана стал заметно громче, только теперь к нему примешивались глухие выкрики. Стараясь двигаться бесшумно, Никита пошел на эти странные звуки по изгибающемуся коридору, но вскоре замер, увидев впереди огромного амбала в белой рубашке и черном костюме. Было совершенно непонятно, кто это такой и что он делает в пентхаусе Марика Циммершлюза, но спросить напрямую у Никиты не хватило смелости. Вместо этого он тихо прохрипел:

– Здрасьте...

Амбал не ответил, только без всякого удивления осмотрел завернутого в одеяло Никиту маленькими внимательными глазами и поправил полу расстегнутого пиджака. Никита малодушно побрел в обратную сторону. Пройдя метров двадцать, он снова остановился – из-за ближайшей двери доносились звуки, как ему показалось, оживленного разговора. Никита постучал. Не дождавшись ответа, постучал еще раз и деликатно приоткрыл дверь. А приоткрыв, окаменел на пороге.

За дверью была точно такая же квартира, как и та, в которой он проснулся, только мебель, кажется, была расставлена чуть по-другому. Впрочем, мебель как раз была ни при чем – Витек и Шон расположились прямо на полу в центре комнаты. Абсолютно голая Шон стояла раком (Никита с детства вздрагивал, слыша это отвратительное вульгарное слово) и, закатив помутневшие глаза, издавала восторженные утробные вопли, а бодрый Витек, победно взвизывая над ее телом, двигался азартно и весело. Он даже вскинул молодое румяное лицо и подмигнул Никите, прежде чем тот опомнился и шарахнулся назад, в коридор, захлопнув дверь. Сердце его снова бешено билось о грудную клетку, а от щек, наверное, можно было прикуривать. Поддернув сползающее с тела одеяло, он побрел назад, твердо решив отсидеться в «своей» комнате, но навстречу ему уже двигалась по коридору грозная фигура с рогами на голове, похожая обликом на беспощадного самурая из кровавого японского фильма.

«Господи, да что ж меня второй день глючит-то так?..» – обреченно подумал Никита, но по-настоящему испугаться не успел – фигура остановилась и стащила с головы огромную рогатую маску. Без нее шаман с прилипшими ко взмокшему лбу темными волосами выглядел трогательно, как актер провинциального ТЮЗа, вышедший в антракте перекурить, не снимая костюма.

– О, привит, Никита, – как ни в чем не бывало произнес он и шмыгнул носом. – А шо цэ ты в одеяли бигаешь? Токо проснулся?

– Доброе утро, Харул... Извините, никак не могу запомнить ваше имя, трудное очень... – промямлил Никита.

– Харалдай, – без обиды подсказал шаман. – Но ты, пока то да се, зови меня Анатолий Макарович, так оно легче будет. Чи просто – Анатолий... – добродушно добавил он.

– Скажите, Анатолий, – Никита прокашлялся. – Вы случайно не знаете, где моя одежда?

– А шо, Шурка не постирала? – искренне возмутился Харалдай. – От ледачая девка! Тьфу... Ну ничего, пойдем, я тебе якись треники найду, бо в одеяле ж – не дело...

– Нет, что вы, спасибо, не нужно... – торопливо пробормотал Никита.

Он с детства был болезненно брезгливым, но очень не хотел обидеть шамана Анатолия, который, несмотря на всю дикость происходящего, сейчас казался ему хорошим и очень добрым человеком.

– Ну як знаешь, – не стал настаивать тот. – А у меня прямо зранку цэй... клиет був. Фамилию говорить не буду, так, миллионер один... – Шаман тяжело вздохнул и сокрушенно покачал головой. – От бедолага... Зовсим душу занапастил! Сами астральни дыры... Хорошо хоть, шо до меня вовремя прыйшов...

– А вы что... помогли ему? – с робким недоверием спросил Никита.

– Ну а як же! – удивленно пожал плечами шаман. – Такэ скажешь, прости, Господи! Якый же зарин отпустит чоловика, щоб не помочь!.. Такого глава тридцати трех духов Утэ – Бабай ни за шо не простит! Ладно, выбачай, я это, до душа схожу, бо так бесов гонял, шо аж мокрый весь... А ты йди наверх, кофе попей, зараз, думаю, уси подтянутся...

И он, смешно переваливаясь, пошел по коридору, а Никита зашлепал вверх по знакомой лестнице.

От золотого ночного уюта наверху не осталось и следа. Из-за свинцового неба над столицей стеклянный купол казался выкрашенным грубой серой краской. А сама верхняя площадка оказалась намного больше, чем показалось Никите ночью. Уже знакомая ему огромная кухня занимала десятую ее часть, не больше. В нескольких метрах за кухней начинался большой бассейн. «Вот почему, оказывается, вода плескала!..» – с облегчением понял Никита. Рядом с бассейном возвышалась вешалка с кучей одинаковых махровых халатов, стояло несколько дорогих тренажеров, по виду которых почему-то сразу было ясно, что на них никто не занимается спортом, и несколько сиротливых пляжных шезлонгов.

Остальная поверхность «таблетки» зияла космической пустотой, хоть и была неизвестно зачем обнесена по периметру невысоким заборчиком с деревянными перилами.

Было странно, что Циммершлюз не соорудил там поле для гольфа с настоящей травой и маленькими электромобилями, было бы вполне в его духе.

Ходить в одеяле было очень неудобно, и Никита подошел к бассейну, надеясь найти хотя бы относительно чистый халат. К его удивлению, они все были нетронутыми и пахли химической свежестью прачечной. Он уже снял один, приблизительно подходящий по размеру, с никелированного крючка, как вдруг ему непреодолимо, резко и, главное, непонятно отчего захотелось врезаться всем телом в неподвижную поверхность воды. Таких простых и одновременно сильных желаний в Никитиной душе не возникало давно, поэтому он, не до конца осознавая, что делает, бросил халат прямо на пол и прыгнул в бассейн. Вода не обожгла его холодом, но и не была противно подогретой. Никита быстро доплыл до стенки, оттолкнулся и размашисто поплыл в другую сторону, недоумевая, откуда взялось это неудержимое ощущение свободы и счастья – бесконечного и лишнего тревог, какое бывает только в детстве. Он плыл все быстрее и быстрее, и не чувствовал усталости, и улыбался неизвестно чему, и вода пахла не хлоркой, а волжскими плесами, летом и дружбой, и с берега, размахивая руками и подпрыгивая, что-то кричали пацаны-соседи...

Чудо исчезло так внезапно, что Никита чуть не утонул, глотнув воды и мучительно закашлявшись. Все снова было прежним. Он, совершенно голый, застыл в центре чужого бассейна на чужой крыше, залитой отвратительным светом хмурого дня, а с кафельного берега ему махали руками не друзья из залитого солнцем детства, а Витек и Шон. Оба явно приготовились купаться. Витек – худой и жилистый, как уголовник, был в похожих на семейные трусы плавках. Полное и упругое тело Шон прикрывал допотопный ситцевый купальник с перекрученными лямками.

Никита попытался неловко прикрыть интимное место, снова глотнул воды и закашлялся. Квартиранты-любовники рассмеялись.

– Не парься, братан, что естественно – не безобразно, – цикнув зубом, выдал Витек и со скрипом потянулся, раскинув мускулистые руки. – Эх, мать моя женщина!.. – И он, подняв алмазную грудку брызг, рухнул в бассейн, тут же вынырнув и по-собачьи отфыркиваясь.

– Шон, извините, – торопливо заговорил Никита, вдруг испугавшись, что англичанка проделает то же самое. – Вы случайно не знаете, где моя одежда? Анатолий Макарович сказал, что...

– Тьфу, блядь... – благодушно выдохнула девушка и с животной нежностью посмотрела на Витьку. – А все он, козлина! Мозги мне задурил с самого утра... Не переживай, паря, все постирано-посушено, я мигом...

И она куда-то направилась, вильнув напоследок мощной задницей.

Никита так лихорадочно выбирался из бассейна, что ударился коленом о кафельный угол. Он быстро захромал к брошенному халату.

– Эх, водичка волшебная! – фыркнул вновь вынырнувший Витек.

– В каком смысле? – напрягся Никита.

– Да в прямом, – удивленно пожал плечами Витек. – А ты че, не заметил? Ну, когда купался...

– Наоборот!.. То есть... Я заметил, просто решил... – Никита вконец растерялся и покраснел.

– Это Харалдай, дай ему Бог здоровья, постарался. – Витек выбрался из бассейна и запрыгал на худой ноге, вытряхивая из ушей воду. – Еще в среду... Ну, типа освятил ее. На свой шаманский манер, естественно. А то, говорит, бассейн есть, а никто не купается, не по-хозяйски... Нас всех отсюда попросил, надел свою хламиду бурятскую, кричал чего-то, в бубен колбасил... Часа два, не поверишь... Я, честно говоря, думал, так, понты для приезжих, а оно работает!.. Эх, жрать хочется...

Никита очень хотел спросить, что именно чувствовал Витек, когда купался, но не успел.

Шон, несущая одежду Никиты, сложенную аккуратной стопкой, появилась вместе с шаманом. В спортивных штанах, вьетнамках и свежей, но застиранной футболке, тот еще больше, чем вчера, походил на непьющего бригадира гастарбайтеров.

– Доброе утро, – вежливо сказал он. – Уже позавтракали, чи як?

– Здорово, Харалдай, – бодро поздоровался Витек, набрасывая на широкие худые плечи халат. – Какой там позавтракали!.. Вот сидим, жрать хотим!.. Ну чего, Шурка, кормить-то мужиков будешь? Или, может, не заслужили?..

И он с похабно-заговорщицким видом подмигнул Никите, который снова густо покраснел.

Завтрак был простым и вкусным. Яичница с поджаренным беконом, сыр, свежий хлеб, разные соки. Все это появилось на столе мгновенно и словно само по себе. Но на самом деле, конечно же, все приготовила и подала Шон, просто получалось это у нее так быстро и ловко, что Никита опять поразился – ему старомодно казалось, что быть одновременно некрасивой матерящейся стервой и прекрасной хозяйкой девушка не может.

Но еще больше поразило Никиту другое. Он ел с аппетитом и легким сердцем. Совсем как в юности, при бабушке. И как у него больше не получалось ни в случайных кафе на улице, ни в ресторанах гастрольных гостиниц, ни, тем более, в жуткой московской квартире.

Харалдай словно подслушал его мысли.

– Чуешь, Никита, ну, як ты вообще? – шепотом спросил он, выбрав момент, когда Шон и Витек о чем-то разговаривали.

– В каком смысле? – не понял Никита.

– Ну як? У прямом смысле... Я ж тебя вчера трошки того... посмотрел. Дела там хреновые, мутные, я так, для пробы, малость почистил... А шо, совсем не легче?

– Вы знаете, легче... – шепотом признался Никита. – Я с самого утра почувствовал, честное слово... Даже удивился...

– От и добре, от и молодец... – радостно забубнил шаман. – Значит, будет дело, не переживай! Зробым тебе облегчение. А як же иначе! Ты ж молодой совсем хлопец, нечего усяким злобным эгрегорам тоби душу кромсать...

– Спасибо, Анатолий Макарович... – ответил оторопевший Никита и повернулся к развалившемуся в кресле Витьку. – Виктор, а вы случайно не знаете, где Марик?

– Да кто ж его, пархатого, ведает, – равнодушно пожал плечами Витек, отхлебнув крепкого чаю из подстаканника. – Шустрит где-то, жидяра. Они ж неугомонные, сам знаешь...

– Вин цэе... казав, шо как раз по твоим делам кудысь пишов, – отозвался Харалдай. – И попросив, шоб ты не уходил...

– И не «выкай» ты мне, ради Христа! Слышь, Никита... – попросил Витек. – Как брата тебя прошу...

– Хорошо, конечно... – быстро согласился Никита. – Извини...

– А меня чтобы Шуркой звал, ясно? – пробасила за спиной Шон.

– Ты бы оделась! Шурка... – одернул ее Витек. – А то трясешь здесь грудями, как прости Господи...

Та едва слышно огрызнулась, но все же пошла и накинула на могучее тело халат.

– Ребята, – Никита жутко смущался, но понимал, что разговор нужно начинать прямо сейчас, пока не вернулся Циммершлюз. – Я, наверное, чего-то не понимаю, но... где я оказался? Ну, в смысле, что вы все здесь делаете? Да и я тоже...

Он, покраснев, замолчал, понимая, что от волнения говорит путано, как дегенерат. Шон, Харалдай и Витек задумчиво молчали, опустив глаза.

– Я серьезно... – взмолился Никита. – Вы, наверное, знаете что-то такое, чего не знаю я, так расскажите!.. Ведь так в жизни не бывает!

– У жизни як раз всякое бывает... – тихо отозвался шаман.

– Не путай парня, Харалдай, – вмешался Витек. – Мы же все отлично понимаем, о чем он. Сами первое время себя вопросами изводили. Что, скажете, не так?

– Було такое дело... – покорно кивнул шаман.

– А теперь? – с замиранием сердца спросил Никита.

– А что теперь? – хохотнул Витек. – Привыкли, блин горелый! И потом – разговоры эти, игры... Прикольно! А русский человек, он же как – духом силен, а душой слаб, вот к чуду и тянется! Помнишь – царевна-лягушка, по щучьему веленью...

– Ну, с теми все как раз понятно, – негромко вставил Харалдай. – Обычные демоны второго уровня... Му-Шубууна проделки....

– Вот мы сдуру и расслабились, – не реагируя, продолжал Витек. – А Циммершлюзам, им же, иудам, только этого и надо, тут как тут, рады стараться!.. Рубль одолжат, а взамен душу потребуют!..

– А на кой хер ему твоя душа? – Шон наконец под села к столу и закусила углом рта папиросу. – Не думал?

– Откуда я знаю, – невозмутимо ответил Витек. – Я ж не жид...

Харалдай явно хотел что-то сказать, но промолчал. Только многозначительно покачал головой.

– Нет, но вы мне хоть что-то объясните? – Никита беспомощно обвел присутствующих взглядом.

– А что объяснять? Что объяснять-то, Никит? Тебя формальная сторона интересует? Здесь как раз все просто – мы все типа снимаем у Циммершлюза квартиры.

– Вот именно – типа!.. – Шон снова омерзительно сплюнула на пол. – Мудаком не прикидывайся, да? Где ты еще такие условия видал? И такие цены? И где видал, чтобы хозяин квартиры сам своим жильцам работы подыскивал?

– Подозрительного много, я же не спорю... – миролюбиво согласился Витек.

– Ой, хлопцы-девчата, не все так просто... – невесело вздохнул Харалдай. – От я, к примеру, як зарин, всех вижу – кого добряче, кого – так себе... А Аронича – ну вот нистолечки! – Он показал край своего крестьянского мизинца. – Дывлюсь, бувало, дывлюсь – а не вижу, и край!..

– Ишь, чего захотел! – оскалился Витек. – С жидами не так все просто! Их еще при царе Соломоне учили душу маскировать! А это ж когда было...

– Погодите, ребята, – мысль Никиты вдруг заработала с удивительной ясностью. – Но ведь он почему-то выбрал именно нас, так? Разных, непохожих... Или у нас есть что-то общее, просто мы не знаем?

– Да думали уже... – чуть раздраженно сказал Витек. – Не складывается...

– А когда вы сюда попали... – не сдавался Никита.

– Я – три месяца назад, – на миг задумавшись, сообщил Витек. – Шурка тогда уже с неделю здесь хозяйничала. А Харалдая жид чуть позже привел, недели через три или вроде того...

– Я не о том, – перебил Никита. – Когда вы сюда попали, у вас же наверняка возникли вопросы?

– А то как же! – похабно улыбнулась Шон, показав крепкие, как у лошади, зубы. – Я лично без вариантов была уверена, что в секс-рабство загремела...

– Не с твоим счастьем, телка... – Витек, наклоняясь, ущипнул Шон за грудь, англичанка вяло оттолкнула его руку. – Я ничего такого не думал, врать не буду... Да и с какой радости мне вообще о чем-то думать? Меня лично все устраивает – квартплата, условия... Пусть Циммершлюз думает, если ему нужно! А я – сознательный патриот России. На собрания хожу, ума набираюсь. Меня ему не одолеть. Интригует жидяра? Ловушки расставляет? Да ради Бога, мне-то что...

– А я, кажись, поняла, – выдохнув зловонное табачное облако, призналась Шон. – Не сейчас. Уже недели две как. Он книгу пишет. Скорее всего, какое-нибудь пособие, вроде «Как выжить» или «Как заработать миллион»... И мы ему нужны как живой материал...

– Во гад! – забеспокоился Витек. – Пусть только попробует мое настоящее имя вставить! Кишки выпущу!..

– И еще. Никита прав, – продолжила Шон. – Что-то должно нас объединять, я об этом тоже думала. Вот ты, Витек, – детдомовский, он, – она ткнула пальцем в Никиту, – тоже сирота...

– А откуда вы... откуда ты знаешь? – ошеломленно выдохнул Никита.

– Здрасьте, моя радость! – Шон издевательски кивнула и почесалась совершенно неприличным образом.

– И правда, Никит, придуриваться-то не надо, – поддержал подружку Витек. – Кто нам полночи про свое жите-бытье рассказывал? Пушкин?..

Никите показалось, что он сейчас умрет. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы бетонная площадка под ним треснула и он рухнул вниз, в спасительную темноту шахт и подвалов небоскреба. Он почувствовал себя еще более голым, чем час назад в бассейне.

– Ты того, не переживай сильно... – виновато пробубнил ему на ухо шаман. – Так же ж воно правильнише, иначе б не попустило...

– Ой, а покраснел-то, покраснел... Прямо не мужик, а целка! – радостно провила Шон, и Никите захотелось убить ее. Прямо сейчас. Например, пырнуть огромным ножом, которым она резала сыр. Но о резких движениях нечего было и думать – от навалившихся ужаса и стыда

он вообще не мог пошевелиться. И даже продолжавшийся за столом разговор долетал до него словно издали, сквозь мучительную густую пелену.

– Короче, я жидяру не боюсь, да и остальных Циммершлюзов – тоже, – бодро подытожил Витек, поднимаясь и разминая жилистые плечи. – Попробует меня в какое-нибудь говно втянуть – ему же дороже обойдется...

– А мне бы только старика Копейкина встретить, остальное вообще не ебет, – с мерзким акцентом отозвалась Шон, гремя чашками в углу кухни. – С ним мне и Циммершлюз, и вообще все по барабану...

– А я счастливый... – тихо и доверчиво произнес шаман Харалдай.

– Это в каком смысле? – подозрительно спросил Витек.

– А у прямом... – тяжело вздохнул шаман. – Я у жизни так мало добра от людей бачил, шо отталкивать его по доброй воле не стану... У садике меня обижали, смеялись, бо я до шести лет писялся. У школе тоже... Школа хулиганская была, а я сам росту был небольшого и драться не умел... В армии меня вообще очень сильно обижали! Личная жизнь, як то кажут, не сложилась... Ну, про тюрьму шо и говорить...

– погоди, а ты чего, сидел?! – В голосе Витка зазвенели нотки восторженного удивления. – Ну даешь, бурят! Я и не знал!..

– Нашо тебе чужое горе? – спокойно продолжал Харалдай. – Всяко у жизни буває... Но, як не крути, а Марик Аронович, дай ему Бог усякого счастья, нам токо добро делает, шо – не так? Так. От и выходит, шо светлая он душа...

– Ага! Такая светлая, что ты, даже когда камлаешь, ее в упор не видишь! – заржал Витек.

– Я на Ароныча не камлав, не брещи, Витя, – невозмутимо возразил шаман. – А шо души его не вижу – так, может, цэе... духовно не дорос...

– Эй, господа квартиранты! – бодро прозвучало снизу. – Я дома!..

– Сейчас обосремся от радости... – криво улыбнулся Витек и повернулся к Никите: – Давай, братуха, действуй, потроши жида. Узнаешь что интересное – не забудь рассказать...

* * *

Въезжать в новый московский день было почти не страшно.

И не только из-за тумана, который маскировал лучший город земли до степени неузнаваемости, были и другие причины.

Во-первых, Никита не стал испытывать психику на прочность и перед самым выходом от души приложился к лечебному микеринскому порошку, во-вторых, приближение к столице было постепенным – уютный холл подъезда, стоянка, шлюз КПП с автоматчиком. А в-третьих, «эффект “мерседеса”» продолжал действовать – пролетающая за окном реальность со всеми ее угрюмыми сюрпризами казалась отстраненной и не более опасной, чем происходящее, скажем, на экране телевизора.

Но главным излучателем ни на чем не основанного спокойствия был сам Марик Циммершлюз, сидящий рядом. В легком черном костюме поверх тонкого бордового джемпера он выглядел еще роскошнее, чем вчера. К тому же явно побрился всего несколько часов назад, поэтому платиновый налет щетины только начинал проступать на его худых щеках.

– Как спалось на новом месте? – приветливо спросил он, когда машина поднырнула под ползущий вверх шлагбаум.

– Спасибо, хорошо, – честно ответил Никита. – Только знаете, Марик, у меня, ну... как бы это сказать, есть много вопросов...

– Это понятно, – не удивился Циммершлюз и запредельно-метросексуальным жестом поправил идеальную прическу. – Это только у матросов нет вопросов, потому что за лишние вопросы боцман сразу бьет в морду... Время для беседы у нас еще будет, обещаю, давай пока с предыдущим этапом твоей жизни разберемся. Как пели большевики: «Отречемся от старого мира...»

Последнюю фразу он даже не продекламировал, а коротко пропел.

– Вы так просто об этом говорите, – уныло отозвался Никита. Он в эту минуту как раз думал, как бы отодвинуть подальше встречу с реальностью, в которую Марик тянул его с таким бодрым оптимизмом.

– Нет, вот тянуть и усложнять мы точно не будем, хорошо? – сказал Циммершлюз. – Оно того не стоит. Я тут с утра подсуетился, собрал твои вещи...

– Какие вещи? – не понял Никита.

– Откровенно говоря, только не обижайся, – барахло полное. Что ни возьми. Я сначала даже решил не тащить его, а прямо там, во дворе, в мусорный бак бросить и спалить, но без тебя не решился. Напрасно, кстати говоря... Ты же молодой продвинутый парень, Никита, а живешь, как спивающийся бюджетник-непротивленец... Нехорошо... Как говорила одна мудрая женщина, Лора Кэбот, даже ведьмы должны понимать важность процветания...

Злость и возмущение, клокотавшие в душе Никиты и готовые вырваться наружу, не поспевали за стремительным Циммершлюзом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.